

ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ. 2019. № 4 (10)

ISSN: 2687-0193

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

IR SCIENTISTS' HERALD

№4, 2019 (10)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Директор ИАМП Дипломатической академии МИД России.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Аникин Владимир Иванович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра мировой экономики Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Данельян Андрей Андреевич, доцент, доктор юридических наук, заведующий кафедрой Международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права Дипломатической академии МИД России

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, проректор Дипломатической академии МИД России.

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России

Иванов Сергей Евгеньевич, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, Первый заместитель директора Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Международных отношений Дипломатической академии МИД России

Логинов Борис Борисович, кандидат экономических наук, профессор кафедры Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Любимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, руководитель Центра международного права Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Мозлов Асламбек Тотыбекович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Восточных языков Дипломатической академии МИД России

Моисеев Анатолий Васильевич, кандидат военных наук, профессор кафедры Государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры Политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, декан факультета Подготовки кадров высшей научной квалификации Дипломатической академии МИД России

Рудов Георгий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации

Сидорова Надежда Павловна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Сурма Иван Викторович, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой Государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры Международных отношений Дипломатической академии МИД России

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer»

Яхменев Петр Александрович, кандидат экономических наук, руководитель Центра мировой экономики Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Evgeniy Bazhanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Director of the ICIS of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

MEMBERS OF THE BOARD

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Dean of the Faculty for the Training of Scientific Personnel of the Highest Qualification of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Aslambek Mozloev, Ph.D. (Historical Science), Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Aleksey Lyubimov, Doctor of Sciences (Law), Head of the Center for International Law of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Anatoly Moiseyev, Ph.D. (Military Science), Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Boris Loginov, Ph.D. (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Georgy Rudov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation

Ivan Surma, Ph.D. (Economics), Head of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nadezhda Sidorova, Ph.D. (Political Science), Leading Researcher of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs of Russia

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Sciences), Professor, First Deputy Director of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Yakhmenev, Ph.D. (Economics), Head of the Center for World Economy of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Ivanov, Ph.D. (History), Head of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Zhiltsov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, First Vice-Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Anikin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher of the Center for World Economy of the Institute for Topical International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer»

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

«ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

Научный периодический электронный журнал **«Вестник ученых-международников»** издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой. Входит в РИНЦ.

Цель журнала — публикация материалов по специальностям:

07.00.00 Исторические науки и археология;

08.00.00 Экономические науки;

12.00.00 Юридические науки;

23.00.00 Политология.

Изданию присвоен номер **ISSN: 2687-0193**

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.П. Иванов, д. полит.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, к.э.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

Л.Н. Кулябина – редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н.

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

М.А. Ракитина – младший редактор

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (Предыдущее название: «Вестник молодых ученых-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

The **purpose** of the magazine is to publish scientific papers on the specialties:
07.00.00 Historical Sciences and Archeology;
08.00.00 Economic Sciences;
23.00.00 Political Science;
12.00.00 Legal sciences.

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.P. Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev - Editor in Chief, Ph.D. (Economy)

O.A. Timakova - Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov - Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

L.N. Kulyabina - Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova - Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva - Editor, Ph.D. (Law)

N.A. Faustova - Editor, Ph.D. (Philological Science)

M.A. Rakitina – Assistant Editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL№FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

"GLOBAL CHALLENGES 2019"

- Пелино Э.* Борьба за статус в новом многополярном мировом порядке: 10
опыт России (на англ. языке)
- Ремпе Р.* Воображаемый дракон: новые глобальные стратегии Китая и 21
позиция Канады (на англ. языке)
- Гвожденович М.* Идентичность в тени глобализации (на англ. языке) 28
- Кёних Г.* Либеральная демократия в условиях трансформации 35
(на англ. языке)

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

- Задохин А.Г., Горелик И.Б.* Истоки и источники молодежного 41
экстремизма: риски и вызовы
- Ломова А.А.* Гуманитарная безопасность: разница в определениях 49
- Коркотадзе Ж.Л.* История разработки Договора о нераспространении 59
ядерного оружия (1958 – 1968 гг.)

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Магомедов М.М.* Последствия поселенческой политики Израиля на 67
палестинских оккупированных территориях
- Рустамзаде К.И.* Роль России в разрешении курдского вопроса на 77
территории Турции и Ирака
- Абрамов Д.С.* Голанские высоты – зона нестабильности на Ближнем 97
Востоке

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

- Шангараев Р.Н., Тимакова О.А.* Общее будущее. Форум устойчивого 107
развития

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

113

CONTENTS

"GLOBAL CHALLENGES 2019"

<i>Elettra Pelino</i> Quest for Status in New Multipolar International Order. Russian Case	10
<i>Rebecca Rempe</i> Imagine Dragon: is Canada Prepared for China's Global Security and Cyber Strategies?	21
<i>Marija Gvozdencovic</i> Identity in Shadow of Globalization	28
<i>Henry König</i> Liberal Democracy and Its Discontents	35

INTERNATIONAL SECURITY ISSUES

<i>A. Zadokhin, I. Gorelik</i> Origins and Sources of Youth Extremism: Risks and Challenges	41
<i>A. Lomova</i> Humanitarian Security: Differences in Definitions	49
<i>S. Firuzi</i> History and Background of the Use of UN Forces in Peacekeeping Operations	59

ORIENTAL STUDIES

<i>M. Magomedov</i> Consequences of Israeli Settlement Policy in Palestinian Occupied Territories	47
<i>K. Rustamzade</i> The Role of Russia in Resolving the Kurdish Issue in Territory of Turkey and Iraq	77
<i>D. Abramov</i> Golan Heights – Middle East Instability Zone	97

INTERNATIONAL SCIENTIFIC EVENTS

<i>Shangaraev R.N. Timakova O.A.</i> Common Future. Sustainable Development Forum	107
--	------------

FOR AUTHORS	113
--------------------	------------

"GLOBAL CHALLENGES 2019"¹

Пелино Элеттра
Магистрант 2 курса,
Университет ЛУИСС, Рим
E-mail: elettrapelino@gmail.com

Elettra Pelino
MA in Global Studies, 2nd year
LUISS Guido Carli, Rome
E-mail: elettrapelino@gmail.com

**БОРЬБА ЗА СТАТУС В НОВОМ МНОГОПОЛЯРНОМ
МИРОВОМ ПОРЯДКЕ: ОПЫТ РОССИИ**

**QUEST FOR STATUS IN NEW MULTIPOLAR INTERNATIONAL
ORDER. RUSSIAN CASE**

Аннотация. XXI век стал свидетелем перехода от однополярной системы международных отношений под руководством США к многополярному порядку, когда центр мировой политики и экономики все больше смещается в сторону Тихого океана. Взгляды России на нынешнюю мировую систему и поддержка многополярного развития основаны на ее восприятии периода после холодной войны. Согласно основному кремлевскому нарративу, усилия России по налаживанию более тесного сотрудничества с Западом и стремление к интеграции в его структуры привели лишь к ограниченному успеху, поскольку НАТО, ЕС и ВТО не учитывали интересов России и не признавали ее роль в качестве основного глобального игрока.

В своей попытке действовать независимо от международного порядка, основанного на правилах, геополитическая активность России может быть охарактеризована как поиск статуса (державность), исторически

¹ Международная конференция (19-20 августа 2019 г.) в рамках одноименной летней студенческой школы Дипломатической академии МИД России (5-21 августа 2019 г.)

сложившегося в ее давней имперской идентичности и в напряженной защите своего государственного суверенитета.

Abstract. The 21st century is witnessing a transition from a unipolar, U.S.-led system of international relations to a multipolar order, with the hub of world politics and economy increasingly shifting to the Pacific. Russia's views of the current world system and support of its multipolar development are informed by its perception of the post-Cold War period. According to the mainstream Kremlin's narrative, Russia's efforts to pursue closer cooperation with the West and seek integration in its structures only resulted in limited success, as NATO, the EU and the WTO did not accommodate Russian interests nor acknowledge its role as a major global player.

In its attempt to act independently of the rules-based international order, Russia's current geopolitical assertiveness may be characterized as a quest for status (*derzhavnost*), historically rooted in its longstanding imperial identity and in the strenuous defence of its state sovereignty.

Ключевые слова: международный порядок, многополярность, ревизионизм, интересы России, державность

Keywords: international order, multipolarity, revisionism, Russian interests, *derzhavnost*

Introduction

'The world today is undergoing historic changes. The process of building a new international order will be complicated and lengthy. Peace and development remain the main theme of the times. The phenomena of imbalance and conflict still exist in the course of development of global multipolarity and economic globalization' are the revealing, opening words of the China-Russia Joint Statement on 21st Century World Order [3]. The 21st century is witnessing a transition from a unipolar, Western-dominated system of international relations to a multipolar order, with the hub of world politics and economy increasingly shifting to the Pacific. In the 1990s, when bipolarity was giving way to a U.S.-led

liberal international order, China and India advanced claims for recognition of their new status as emerging powers, and South-to-South axes – with BRICS being a prominent example - were forged in the name of that standing being sought. Lukin emphasizes that rising actors aspire to strengthen international institutions to pursue their shared agendas of domestic non-interference, refusing to passively follow the ‘West’s united-world project’ [11, p. 34]. China’s global ascent has led scholars to agree that the global security environment will come to be defined by the relationship between Washington and Beijing, and new organizations such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Eurasian Economic Union (EAEU) are playing a salient role in securing stability in the Eurasian region [1, p. 43]. The Chinese-Russian “strategic partnership” inaugurated in 2014 with the signature of a bilateral gas deal [7, p. 3] signals the will to construct a more inclusive world order capable of reflecting today’s economic and political realities. Furthermore, China and Russia have worked together through the SCO to curb U.S. military presence in Central Asia, have conducted joint naval exercises in the South China Sea, and are working forward an international convention on information security. As Huntington put it, ‘A West at the peak of its power confronts non-Wests that increasingly have the desire, the will and the resources to shape the world in non-Western ways’[6].

Russian officials have long advocated a “multipolar” vision of the world, implying that Russia represents one of the influential poles of the modern international system. In 2008, the then-Russian President Dmitry Medvedev defined multipolarity as one of the five guiding principles of Russian foreign policy. Russia’s views of the current international order and support of its multipolar development are informed by its perception of the post-Cold War period. According to Russian leaders and mainstream analysts, Russia aimed for cooperation with the West in the early 1990s, but this only resulted in limited success. In particular, when Russia pursued integration into Western institutions, the West did not adapt the main institutions—including NATO, the EU, and the World Trade Organization (WTO)—to accommodate Russian interests. Notably,

Russia has firmly criticized NATO and the EU extending into its western neighborhood. The Kremlin also contends that the U.S.-led global order represents an embodiment of U.S. hegemony, and as such jeopardizes Russia's national interests, its capability of affecting its "near abroad" (by which we mean Russia's perceived sphere of influence) and security. Evidence of the threat posed by U.S. unilateralism lies in the U.S. military interventions undertaken without UN approval and increasing apprehension for the encroachment of the EU and NATO into Russia's sphere of influence. Nonetheless, Russia and the US converge on some components of the order, namely participation in the UN, war on terrorism and arms control agreement. As a matter of fact, Russian leaders endorse the UN system because it serves several of Russia's vital objectives. Above all, permanent membership and veto power in the Security Council accord Russia recognition as a major actor. It also provides a platform to impede, or at least delegitimize, both noninterference in domestic affairs where Russia does not authorize and a coordinated international response to Russia's own interventions. Finally, Russian leaders point out 'the limits of single-power dominance – the Pax Americana – that could only last as long as the US remained willing to carry the burden and other main actors acquiesced to its hegemony'[12]. Thus, the Western-world governance does not display the real balance of power and appears unsustainable.

Taking into account the above-mentioned elements, the view emerged that it would not be feasible for Russia to attempt to join the EU or NATO in the future and that it is fundamental for Russia to boost alternative multilateral political and security agreements within its region, i.e. the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the EAEU. Hence, Russia's overall geopolitical posture has been dramatically refashioned. As Trenin brilliantly put it, 'Until recently, Russia saw itself as Pluto in the Western solar system, very far from the center but still fundamentally a part of it. Now it has left that orbit entirely: Russia's leaders have given up on becoming part of the West and have started creating their own Moscow-centered system[13.]

Between reform and revolution: Russia according to IR theories

The evolution of Russian foreign policy has been widely investigated through the lenses of mainstream International Relations (IR) theories.

Realists claim that a country's foreign policy should be proportional to its power. However, Russia's stance against the West does not match its material capabilities. By most standards, U.S. power overshadows Russia's. In fact, Russia's military spending equals 1/8 of that of the United States and its amounts to less than 1/10 the size of U.S. economy. The US recounts over 800 military bases worldwide, while Russia totals only seven outside the post-Soviet region [8]. Other realist scholars, including Mearsheimer, argue that Russia's posture may be better framed as a reaction to Western policies that are hostile to security interests it considers vital, such as NATO expansion and the U.S. development of an Anti-Ballistic Missile Defense (ABM) system. Yet, although NATO has reached Russia's borders, the forces deployed in new member countries are modest and could easily be contrasted by Russian conventional forces. As regards the ABM system, it does not constitute a threat to Russia's nuclear deterrent, as it would be repulsed by a massive Russian retaliatory strike. Furthermore, Russia is not the archetypical challenger envisaged by proponents of Power Transition (PT) theory. It is not competing for global primacy with the US or for continental hegemony with China. Rather, is trying to force the US to appreciate Russia's newly restored status - though on a much smaller scale compared to the imperial and Soviet periods - and get it to adjust the international order to meet Russia's status aspirations. Thus, Moscow looks at Washington as its preeminent adversary, and regards Beijing as its principal partner of convenience, but pays attention not to become excessively dependent on the latter.

The liberal scholarship posited that Russia would be integrated into the post-Cold War liberal international order. This assumption rested on Doyle's "three pillars of liberalism": institutions, interdependence, and democracy. Russia would be able to reconcile its interests with the West joining in the international order's open, liberal institutions; economic interdependence between Russia and the West

would encourage cooperation; and the spread of democracy to Russia would soften its security concerns vis-a-vis the West on the basis of the Democratic Peace theory (arguing that democracies do not wage wars against each other). All three pillars of liberalism proved to be failing in the Russian case. Russia was invited to participate in the G-7 (which then became the G-8), the Russia NATO Council (RNC) was envisioned to assign Russia a formal consultative role within the alliance, and the Conference on Security and Cooperation in Europe's range was broadened as it was converted into the Organization of Security and Cooperation in Europe (OSCE). In reality, none of these institutional mechanisms granted Russia the voice it felt it was due. The G-8 prevented Russia from discussing economic matters. NATO countries managed to produce a unified position on issues where Russia felt it had a stake before deliberating with it in the RNC, thus presenting Moscow with a mere *fait accompli*. The OSCE largely neglected hard security - a topic that Russia intended it to address - instead concentrating on human rights and democracy, that is, where Russia was subject to intense criticism. Economic interdependence was forged between Russia and Europe, with the EU becoming Russia's main trading partner and Russia cementing its rank as the EU's leading energy provider. Instead of stimulating cooperation, interdependence led to skepticism and allegations that Russia was "weaponizing" Europe's reliance on its energy. Further, U.S. efforts to champion liberal democracy have turned into a primary source of friction between the two countries, as the Kremlin identifies them as devised to reduce its influence in the former Soviet states and incite a revolution within Russia to install a more docile, U.S.-friendly government.

Traditional unidimensional accounts of revisionism – analyzing states along a continuum with preserving the status quo and seeking a complete overhaul of the international system at the extremities – ignore the relevant shade between the ambition to alter the distribution of military power and the ambition to alter other features of the international order. Cooley, Nexon and Ward [4, p. 1] thus introduced an alternative two-dimensional typology, comprising, *inter alia*: 'reformist actors, who are fine with the current distribution of power but seek to

change elements of order; positionalist actors, who see no reason to alter the international order but do aim to shift the distribution of power; and revolutionary actors, who want to overturn both international order and the distribution of capabilities'. Conforming to their approach, contemporary Russian revisionism may be described as either 'a positionalist-to-revolutionary pathway' or 'a reformist-to-revolutionary pathway' [4, p. 12]. The former case refers to the view that Russia is security-seeking and perceives the Western-centric order as an obstacle to its security, whereas the latter hinges on the assumption that Russia desires recognition of its status and urges the return of multipolarity enshrined in a Great Power Concert within which the United States would have a limited say.

The pivotal importance of status to Russia has not been given sufficient consideration by the above-mentioned IR paradigms. On the one hand, realists failed to acknowledge that Russia fear NATO enlargement and ABM because they imperil its status as regional power in the post-Soviet space and nuclear equivalent of the US. On the other hand, liberals did not grasp that Russia could not align to the liberal international order on the existing terms. Lukyanov notes that Russia cannot be dealt with as any other country, as the United States and European states tend to do: 'For all practical intents and purposes, a large country with the mentality and history of an independent great power simply could not overnight turn itself into a "big Poland" and follow in the footsteps of states seeking admission to the EU and NATO— institutions that, in any event, never offered membership to Russia.' [9]

According to Krickovic [8] status consists of the collective belief about a state's ranking in the world hierarchy on the basis of valued attributes, such as military capabilities, wealth, socio-political organizations and culture. The recognition of a state's status involves elements of reputation, peer recognition, and a seat at the table in managing the global order. It also forms an integral part of both the individual and communitarian sense of identity. Most importantly, it constitutes the real "currency" of international relations: when a state enjoys

considerable status, it does not have to employ material resources to achieve its goals.

The pursuit of «derzhavnost»

After the Cold War, restoring Russia's derzhavnost (great power identity) became the unifying internal narrative, as well as its objective in the international arena, shaping Russian foreign policy-making. Though challenging to render into English, derzhavnost relates to 'the state of possessing – and being recognized to possess by others – clear status as a great power'[5] Vladimir Putin's attempts at détente with the West are justified in part by a quest to project an image of Russia as an effective partner on the world scene. Likewise, Russia's growing geopolitical assertiveness (e.g. over Iraq or Ukraine) is directed at presenting Russia as an independent player, exercising its relative military, economic and diplomatic power to influence the regions it borders. In 2005, Putin labeled the disintegration of the Soviet Union 'the greatest geopolitical catastrophe of the century'[10]. There was an enormous disparity between Russia's treatment as the "loser" of the Cold War and the expectations of the Russian population, who maintained the memory of centuries of world co-governance and an almost integral part of their identity [2, p. 63]. In order to reverse the humiliations of the 1990s, Putin articulated a doctrine of Russia as a messianic civilisation resting on the following tenets: Russia as the sponsor of the Russian-speaking people's rights; the use of force to defend Russian-speaking communities and Russian unity; and good relations with Russia as the *conditio sine qua non* for the recognition of the territorial independence and sovereignty of the post-Soviet states.

Nowadays states are no longer competing for power, the nature of which is less and less clear and which cannot be applied against that of the US. Acquisition and recognition of status has turned into a key variable to study the behaviour of actors in the international arena. It is Russia's quest for derzhavnost that urges its leaders to carve out a prime position in the new world. Its approach to the ongoing Syrian civil war demonstrates that Russia has successfully restored its standing on

an equal footing with the West, turning perhaps into the only power with solid allies in the Middle East. In addition to that, it illustrates a classic of the country's imperial history: its ability to turn to the East whenever it does not reach its desired outcome on its Western flank. Russia's strength thus lies in the median position it occupies between Asia and Europe, offering the country the possibility to develop 360-degree visions and seize all the opportunities emerging along its longest borders.

Список литературы

1. Иванов О.П., Копылов А.В. (2018) Россия – Запад: можем ли мы выйти из тупика? Государственное управление. Электронный вестник Выпуск No 68. Июнь [Electronic source] URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk_68.ijun_2018_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategitcheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/ivanov_kopylov.pdf (date of access: 12.09.19).
2. Badie, B. (2019) *New Perspectives on the International Order: No Longer Alone in This World*. Palgrave Pivot.
3. China-Russia Joint Statement on 21st Century World Order (2005) [Electronic source] URL: http://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/118079/21/21_annexure%205.pdf (date of access: 12.09.19).
4. Cooley, A., Nexon, D., Ward, S. (2019) *Revising Order or Challenging the Balance of Military Power? An Alternative Typology of Revisionist and Status-Quo States*. *Review of International Studies* [Electronic source] URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/review-of-international-studies/article/revising-order-or-challenging-the-balance-of-military-power-an-alternative-typology-of-revisionist-and-statusquo-states/FA5C1C5932F13DFED94C4B1068CDD203/share/f668d79228d38fcb6f4f37fad708188dc15beb9b> (date of access: 12.09.19).
5. Gunitsky, S., Tsygankov, A. P. (2018) *The Wilsonian Bias in the Study of Russian Foreign Policy*. *Problems of Post-Communism*, vol. 65, no. 5

- [Electronic source] URL: http://individual.utoronto.ca/seva/wilsonian_bias.pdf
(date of access: 12.09.19)
6. Huntington, S. (1993) The Clash of Civilizations. *Foreign Affairs*, Vol. 72, No. 3.
7. Karpov, M. (2015) Will the Russian-Chinese “Strategic Partnership” last until 2020? Plausible thoughts on an implausible scenario. Policy Paper Series of the China Studies Centre at the University of Sidney, May [Electronic source] URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/zur4opx6se/direct/176976552> (date of access: 12.09.19).
8. Krickovic, A. (2018) Russia’s Challenge: A Declining Power’s Quest for Status. PONARSEurasia [Electronic source] URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/russia-challenge-declining-power-quest-status> (date of access: 12.09.19).
9. Lukyanov, F. (2016) The Lost Twenty-Five Years. *Russia in Global Affairs*, February 28.
10. Putin, V. (2005) Putin: Collapse of the Soviet Union was ‘catastrophe of the century’. *The Independent*, 26 April [Electronic source] URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/putin-collapse-of-the-soviet-union-was-catastrophe-of-the-century-521064.html> (date of access: 12.09.19).
11. Radin, A., Reach, C. (2017) Russian Views of the International Order. RAND Corporation [Electronic source] URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1800/RR1826/RAND_RR1826.pdf (date of access: 12.09.19).
12. Trenin, D. (2019) China, Russia and the United States Contend A New World Order. *Carnegie Moscow Center* [Electronic source] URL: <https://carnegie.ru/2019/05/07/china-russia-and-united-states-contest-new-world-order-pub-79078> (date of access: 12.09.19).

13. Trenin, D. (2006) Russia Leaves the West. *Foreign Affairs* [Electronic source]

URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2006-07-01/russia-leaves-west> (date of access: 12.09.19).

Ремпе Ребекка

Бакалавр политологии
Западный университет, Лондон, Онтарио, Канада
E-mail: rrempe@uwo.ca

Rebecca Rempe

Honours BA in Political Science
Western University, London, Ontario, Canada
E-mail: rrempe@uwo.ca

ВООБРАЖАЕМЫЙ ДРАКОН: НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ КИТАЯ И ПОЗИЦИЯ КАНАДЫ

IMAGINE DRAGON: IS CANADA PREPARED FOR CHINA'S GLOBAL SECURITY AND CYBER STRATEGIES?²

Аннотация. Статья посвящена стратегиям глобальной безопасности Китая, начиная с обзора широкомасштабных и важных инициатив. Проведен анализ связи киберстратегии Китая с программами глобальной безопасности. Представлены потенциальные политические решения проблем, которые вызывают серьезную обеспокоенность у канадской общественности, поскольку глобальная мощь Китая продолжает расти.

Abstract. This article focuses on China's global security strategies, beginning with an overview of these wide-ranging and important initiatives. Thereafter, it looks more closely at how China's cyber strategies are connected to these security programs. Finally, it ends with potential policy solutions to problems that are of great concern to the Canadian public as China's global power continues to grow.

Ключевые слова: Китай, геополитика, кибербезопасность, жесткая сила, права человека

Keywords: China, geopolitics, cybersecurity, sharp power, human rights

² A version of this article was first written for the National Scholarship competition at Western University in 2018.

Introduction

After the defeat of the Nationalist Party in 1949, Chinese Communist leader Mao Zedong's various policies resulted in the deaths of millions in China through "violent class warfare" [12, p.22]. When Mao died, Deng Xiaoping (a chief rival of Mao) won the power struggle that ensued and opened China to capitalism and the world; his policies laid the groundwork for the economic force of 21st century China [7, p.219]. Deng did indeed lead China out of the poverty it had known from the days of Mao, however, suppression and the single-party state remained intact under the Chinese Communist Party (CCP) to this day. With its rising economic and military power, China has become an "authoritarian challenge" [6] to Canada and the West, one that might bring about a return to Great Power conflict [15, p.1] and even a new Cold War [14, p.1].

China-strategic initiatives

China's strategic initiatives can be seen through the extent to which foreign policy objectives are linked to a myriad of different fields. For instance, in the South China Sea the Chinese government created a 'Nine-Dash Line', making approximately 85% of the region – and its rich ocean-floor oilfields – Chinese territory. This claim was disputed by the Philippines in an international tribunal at the Hague that ultimately overturned China's claim [9, paras.1,4,8], but the Chinese Defence Ministry released a statement that, "no matter what kind of ruling is made...[China] will firmly safeguard national sovereignty..." [9, para.7]. As well, China has announced a Belt and Road Initiative (BRI) that aims to grow its economic strength through a program of infrastructure building in China's interior as well as a multitude of nations around the globe, connecting them in what is being called a modern Silk Road [4, p.2].

The main internal objective of the BRI is to stem the growing economic disparity between China's technologically advanced coastline and the rural inland areas. Externally, a more critical factor is that China can assert greater economic leverage over its neighbouring countries, causing alarm among governments

around the world as China becomes a more expansionist power in what it believes is its sphere of influence and beyond [3, p.3-6]. Finally, China's leadership has instituted a global campaign of "sharp power" [16, p.3] to try and influence people in foreign governments and businesses into supporting their policy goals as well as attempting to intimidate China's opponents and undermine democratic institutions [16, p.4-5].

China-cybersecurity and human rights

China is making transformational changes in another key area: cybersecurity. At home, the Chinese government has instituted a policy of "total information awareness" through the "pervasive use of facial recognition technology" [5, para.1]. A Chinese citizen's "trustworthiness" to the state is rated based on such things as internet usage, blog posts, and spending habits, which determines a person's "citizen score" [11, paras.1,3]. You are then put into a category as "safe," "normal" or "unsafe" [10, p.2], which can put restrictions on every aspect of a person's life. For example, even mild political criticism is severely punished: one blogger received a two-year jail sentence for calling President Xi Jinping a "steamed bun" [4, p.2]. Minority groups in China face even greater human rights violations: Tibetans have been suppressed for a long time and now Muslim Uighurs in Xianjing are under attack by state security forces that use "arbitrary arrest, draconian surveillance or systemic discrimination" in order to fight what the government calls "the three evil forces of separatism, extremism and terrorism" [10, p.2].

China's oppressive policies are not just applied to Chinese citizens at home. In countries around the world, Chinese communities can be subjected to intimidation if any critical opinions are voiced in public or online: one Chinese dissident in Ontario was warned that he would endanger the lives of relatives living in China if he expressed his views to the Canadian media [2, paras.2,3]. The CCP also tries to control Chinese communities abroad through indoctrination:

The Chinese Communist Party is actively fostering in the Chinese-Australian community what the Nobel Peace Prize laureate Liu Xiaobo, who died while in custody in China last year, called an “enemy mentality”: the idea that the liberal West is China’s enemy and that supporters of freedom are enemies too. Those objecting to the Communist Party’s oppression, like pro-democracy activists, are widely referred to as “poison” or “hostile forces.” [8, p.2]

In addition to acting against Chinese dissidents at home and abroad, the CCP is using cyber operations against international corporate, military, and government targets [13, p.113]. For instance, the United States has been subjected to waves of Chinese cyber-attacks since the early 2000’s, all of which were very sophisticated and difficult to trace [13, p.115]. Chinese government hackers worked on large, multi-faceted, cyber operations with the goal of stealing intellectual property from targeted machines and weakening the corporations or government agencies that used them. For example, hacker operations stole information from NASA & the World Bank, Google, and US defence contractors [13, p.124 & 152-53]. Canada too has been affected by Chinese cyber-attacks including at the National Research Council; in fact, government computers are attacked by various hacker groups including those from China “about 50 times a week – and at least one of them usually succeed[s]” [13, p.1].

Potential policy solutions

All of the actions outlined above point to a Chinese strategy that aims to weaken the democratic West and support China’s international ambitions. It is critical for the Canadian public to know that their government is actively engaged with these issues. Several policies the Canadian government can initiate or expand upon to combat Chinese geopolitical and cyber security strategies include:

1. Canadian rights and values such as openness, freedom of speech, the right to protest, and tolerance of different cultures should be promoted as a counterweight to China’s ‘sharp power’.

2. Trade is an important component of Canada-China relations, but so are human rights. Abuses against China's minority communities and rejection of international law should be strongly condemned, especially internationally at the UN.

3. Greater outreach and support for Chinese-Canadian citizens should be instituted; they should know that they are not alone when facing CCP intimidation.

4. Regular cyber policy reviews including a standing committee on cyber security that offers greater input from the private sector is critical.

5. Finally, Canada needs to coordinate with NATO allies and intelligence partners, working multilaterally in order to counter the adverse efforts of Chinese security and cyber strategies.

Список литературы

1. Beeby, D. (2017, October 30). State-sponsored cyberattack on Canada successful about once a week. *CBC News* [Electronic source] URL: <http://www.cbc.ca/news/politics/cyber-attacks-canada-cse-1.4378711> (date of access: 15.10.2019).
2. Blackwell, T. (2018, January 5). 'Don't step out of line': Confidential report reveals how Chinese officials harass activists in Canada. *National Post*. [Electronic source] URL: <http://nationalpost.com/news/world/confidential-report-reveals-how-chinese-officials-harass-activists-in-canada-there-is-a-consistent-pattern> (date of access: 15.10.2019).
3. Cai, P. (2017, March). Understanding China's Belt and Road Initiative. *Lowy Institute for International Policy*, 1-22. [Electronic source] URL: https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/documents/Understanding%20China%E2%80%99s%20Belt%20and%20Road%20Initiative_WEB_1.pdf (date of access: 15.10.2019).

4. Chen, K. (2017, April 14). Two years in jail for calling Xi Jinping a ‘steamed bun’. *The News Lens International Edition*. [Electronic source] URL: <https://international.thenewslens.com/article/65955> (date of access: 15.10.2019).
5. Deeks, A. (2018, January 16). China’s total information awareness: Second-order challenges [Lawfare blog post]. [Electronic source] URL: <https://www.lawfareblog.com/chinas-total-information-awareness-second-order-challenges> (date of access: 15.10.2019).
6. Friedberg, A. (2017, August). The authoritarian challenge: China, Russia and the threat to the liberal international order. *Special Monograph for The Sasakawa Peace Foundation*, 1-75. [Electronic source] URL: http://www.spf.org/jpus-j/img/investigation/The_Authoritarian_Challenge.pdf (date of access: 15.10.2019).
7. Grasso, J., Corrin, J., & Kort, M. (2010). *Modernization and revolution in China: From the Opium Wars to the Olympics* (4th ed.). Armonk, NY: M.E.Sharpe.
8. Joske, A. (2018, February 06). Beijing is Silencing Chinese-Australians. *The New York Times*. [Electronic source] URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/06/opinion/beijing-chinese-australians-censorship.html> (date of access: 15.10.2019)
9. Macias, Amanda. (2016, July 12). The Hague just threw out Beijing’s ‘9-dash line’ in the South China Sea ruling. *Business Insider*. [Electronic source] URL: <http://www.businessinsider.com/no-nine-dash-line-in-the-south-china-sea-2016-7> (date of access: 15.10.2019).
10. Millward, J. (2018, February 2). What it’s like to live in a surveillance state. *The New York Times*. [Electronic source] URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/02/opinion/china-ughurs-xinjiang.html> (date of access: 15.10.2019).
11. Mitchell, A., & Diamond, L. (2018, February 2). China’s surveillance state should scare everyone. *The Atlantic*. [Electronic source] URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/02/china-surveillance/552203/> (date of access: 15.10.2019).

12. Schell, O. (2018). China's cover-up: When communists rewrite history. *Foreign Affairs*, January/February, 22-27.
13. Shakarian, P., Shakarian, J., & Ruef, A. (2013). *Introduction to cyber-warfare: A multidisciplinary approach*. Waltham, MA: Syngress.
14. Taylor, R. (2018, January 31). Cold War II: Spy agency sounds alarm at foreign-interference levels. *The Wall Street Journal*. [Electronic source] URL: <https://www.wsj.com/articles/cold-war-ii-spy-agency-sounds-alarm-at-foreign-interference-levels-1517388522> (date of access: 15.10.2019).
15. The growing danger of great-power conflict: How shifts in technology and geopolitics are renewing the threat. (2018, January 25). *The Economist*. [Electronic source] URL: <https://www.economist.com/news/leaders/21735586-how-shifts-technology-and-geopolitics-are-renewing-threat-growing-danger> (date of access: 15.10.2019).
16. What to do about China's "sharp power". (2017, December 14). *The Economist*. [Electronic source] URL: <https://www.economist.com/news/leaders/21732524-china-manipulating-decision-makers-western-democracies-best-defence> (date of access: 15.10.2019).

Гвожденович Мария
Магистр международных отношений
Университет Белграда
E-mail: marija.maja.makica@gmail.com

Marija Gvozdenovic
MA graduate of Belgrade University
Faculty of political sciences
E-mail: marija.maja.makica@gmail.com

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТЕНИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

IDENTITY IN SHADOW OF GLOBALIZATION

Аннотация. Изменения в мире делают отношения между глобализацией и культурной идентичностью довольно сложными. Интенсивность отношений между различными культурами и регионами мира со временем возросла. В этой статье рассматривается влияние глобализации на идентичность путем анализа как положительных, так и негативных сторон этого процесса. Основная цель состоит в том, чтобы определить, как глобализация меняет идентичность, и представить аргументы, подтверждающие ее позитивные стороны.

Abstract. The changes in the world make relations between globalization and cultural identity quite complex. Intensity of relations between different cultures and regions of the world increased over time. In this paper it is discussed how globalization impacts on identity, by overviewing both benefits and flows of that process. Main aim is to detect how globalization changes identity and to provide arguments that weight positivity of that.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, мультикультурализм, Европа

Keywords: globalization, identity, multiculturalism, Europe

Introduction

Human societies across the globe have established closer contacts over many centuries, but recently the pace has dramatically increased. The communications revolution, thanks to its rapidity and outreach, has made the world a global village. The multi – national companies have made the world one global market. Jet airplanes, cheap telephone service, email, computers, huge oceangoing vessels, instant capital flows, all these have made the world more interdependent than ever. However, there are also inter-ethnic, inter-cultural and inter – religious conflicts in the world. People are searching for their cultural roots. Globalization and cultural identity is hotly debated in the academy [4].

Subaltern groups and indigenous peoples are affirming and defending their cultural and social identities in the new global era. It makes the situation about globalization and cultural identity quite complex. Because of that the matter of globalization must be analyzed very analytically. On the one hand, it is essentially important to understand the globalization more precisely; on the other hand, we also need to have a clear idea of culture and its importance for some social groups [4].

Only then can we understand the impact of globalization on cultures and identities. In the process, it will also become clear to us how we should handle the dynamic of globalization.

During the recent decades, intensity of relationships between different cultures and different regions of the world has been increasing. One of the fundamental reasons for that is the rapid development of telecommunications. The main aspects of globalization in cultural, political and economic aspects have a significant impact on identity [3].

Identity

In order to speak about impact that globalization has on the identity it is important to at the first place explain what identity is. Simply said, this term represents who we are as a person. Identity can be individual, collective or global.

Individual identity includes all those characteristics that make one person unique among all the rest. It depends and it is defined by location, work, ethnicity, language and religion [2]. Someone gains collective identity by being a part of some group. Global identity is mix of individual and collective identity.

Identity can be affected by several different factors and one among them is also a globalization. Globalization is affecting our identities by enabling for us certain things and information that further affect our identity and define who we are.

Globalization

Globalization can be explained in trade worldwide, as a closer contact between different parts of the world. The main goal of globalization is to create a global knowledge free market so that all countries benefit from each other's products, increasing economic competition between them.

Globalization is the process by which the world citizens are becoming increasingly connected and interdependent. Many would say that globalization drives word forward. As the contacts with other people and countries expand through commerce, travel and cultural exchanges, individual identities evolve and become more complex. With the globalization that becoming more and more over – present though even more rapid expansion of trade, foreign investments, flows of capital and technology, more available information, travel and migration identity now is shaped by completely new influences. This statement applies especially to the middle classes and the youth in developing countries [2].

Social networks also play significant role for globalization's impact on identity. They make geographical space irrelevant and enable people to interact on issues of common interest nationally and globally. Many people, especially young one, use social networks to spread their ideas and values to the world.

Impact of globalization on identity

The public is split today about valuation of the globalization's impact on identity. Those who are against it claim that globalization will destroy cultural differences and individuality. And perceive the globalization as the way of enforced unification.

In opposite of that many value globalization process as the way of connecting people, overcoming borders and creating one global community.

It is clear that globalization can be viewed from both perspective, and that globalization without any doubt will change and remodel term of identity.

One way that globalization can affect our identity is through reduction of cultural diversity. But for the other, it provides for us an opportunity to communicate with almost everyone, anywhere and anytime. Those connection opportunities help us to affirm a sense of belonging with people and groups we are communicating with.

Most accepted effects of globalization have been described as:

- Aculturalism which can be explain as the mutual influence among cultures and their gradual convergence and unification.
- Migration
- Marginalization of the certain social groups
- Spread of individualism and attitude which undermine the values of traditional society
- The increased exchange of information and ideas.

It seems that uniformity in the socio – cultural aspects, as main result of the globalization is not endangering as it seems at a first glance. A direct consequence of this process is the intensification of diversity, the heterogeneity of the global community, in which more and more cultural differences are presented and even opposing cultural trend [3].

One of the possible views on the matter is to globalization's impact on identity will create bi – cultural identity, which means that along with the global

identity, people will continue to develop their local identity based on traditional values.

Another possible scenario is offered in theory, the confusion of identities – diffuse identity as a result of loss of faith in local culture. This will create lack of belonging, for exclusion from the global culture [3].

It is fact that globalization influence our value systems in diverse and contradictory ways. Some elements of the globalization reinforce our greed for more material products. In that way values such as materialism, selfishness, desire for instant gratification etc. are encouraged by globalization process.

But globalization process also has many positive sides. For example, by breaking geographical barriers it enables people to overcome prejudices and biases against foreigners. It is important because prejudices based on the race or ethnicity, language, religion and culture still are present and define our perception of the ‘others’[2].

Generally speaking, some talk about unification and cultural homogenization of the world and criticize the whole process. Other consider that globalization will overcome local and historical identities and in the end will produce an undifferentiated universal human culture.

Advocates of anti-globalization claim that the world is being homogenized in the new global era. Consumer goods are becoming homogenous all over the world. People use the same kind of things: from planes and cars to pins. Homogenization is imposed by marked forces.

Globalization, through its conspicuous promotion of consumerism, embraces a form of uniformity that dissolves cultural attachments, dissociates people, and induces isolation.

The question does homogenization influence on culture depends on how we define culture. A culture can be explained as the way of life of a people through which they humanize and socialize nature. It implies a world-view, a value system, and a network of social relationships [4]. But it is very important to mention that culture is not static. Culture changes, it is fact that people make culture and culture

makes people. In the new era of globalization, people become much more concerned about the uniqueness and particularity of their own culture. Cultural identity provides the global significance of local knowledge and the sense of self, community and nation.

In fact, culture issues are becoming increasingly significant in both schools and universities as the growing pace of globalization highlights a cultural dimension, pressuring teachers to acquire innovative practices.

Benefits of globalization on identity can be best explained through the opportunity to broaden one's horizons and to get to know other cultures. Globalization also has a great impact on bringing diversity, even some people may say differently. Creating a global village is good not only from the technological and trade aspect but also for the human rights and equality as a common virtue.

But still, many claim that because of globalization cultural goods and services produced by rich and powerful countries have invaded all of the world's markets and in that way assured that those who already have money gain more of it.

Another negative impact is the movement of people and cultures to other countries and this effect cultural identity because the citizens of that particular country "change their values" and the way they live, such as the food they eat and the clothes they wear, and because of this we lose our identity.

All persons are affected by globalization in some way, but in theory young people are distinguished as the most affected group.

Many authors claim that young people are most directly affected by globalization and therefore central to current debates on identity. They are experiencing globalization on an everyday basis through employment patterns, the friendship groups they develop, their usage of the internet (particularly for social networking) and wider cultural influences on their lifestyles [1].

Globalization impacts upon young people in complex ways and forces them to constantly re-think and revise their sense of identity and place within society.

Young people's lives are constantly being influenced by new trends, be they cultural, technological or social [1].

Conclusion

Many claim that globalization may influence the world to become the global village but not a global community. But the fact is that globalization is happening, and is up to us to find the way to reconcile the need for cultural differences and unique identity with changes that globalization brings.

My personal opinion is that globalization affects beneficial on our identity, giving us the opportunity to meet and learn about other cultures and to connect with people from all over the world.

Globalization is not simply homogenization. When we view globalization in terms of science and technology, we'd better notice that people are not passively accepting the influence of globalization. Opposite to that, we all are part of the globalization process.

Список литературы

1. Bourn, D., 2008, Young people, identity and living in a global society, Policy and Practice, Development Education and Research, n.7.
2. Ghai, D., 2012, Identity in the age of globalization. [Electronic source] URL: <https://www.pambazuka.org/global-south/identity-age-globalization> (date of access: 26.09.2019).
3. Mineva K., 2009, Identity and Globalization, in: Migration Processes and Globalization Challenges; Burgas, Krumov, K. & Larsen, K.S. (eds), pp. 122 – 129.
4. Wang, Y., 2009, Globalization enhances cultural identity, Intercultural Communication Studies, XVI: 1, pp. 83 – 86.

Кёних Генри

Студент 2 курса бакалавриата
Университет Цеппелин, Германия
E-mail: h.koenig@zeppelin-university.net

Henry König

BA in Political Science, 2nd year
Zeppelin University, Germany
E-mail: h.koenig@zeppelin-university.net

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ

LIBERAL DEMOCRACY AND ITS DISCONTENTS

Аннотация. В этой статье отражены механизмы, необходимые для функционирования демократии, и рассматривается вопрос о том, может ли отсутствие альтернатив в повседневной политике влиять на популистские движения. Утверждается, что преобладающий социально-экономический и социокультурный политический мейнстрим вызывает деполитизацию определенных проблем и вызывает влияние этой проблемы на современный популизм.

Abstract. This article reflects the mechanisms a vital democracy needs to work and deals with the question if a lack of alternatives in daily politics might affect populist movements. I argue that a prevailing socioeconomic and sociocultural political mainstream causes a depoliticization among certain issues and examine the impact this problem has on contemporary populism.

Ключевые слова: демократия, популизм, деполитизация

Keywords: democracy, populism, depoliticization

Introduction

The rise of populism as well as the apparent lack of alternatives regarding socioeconomic and sociocultural politics are pervasive in our everyday life.

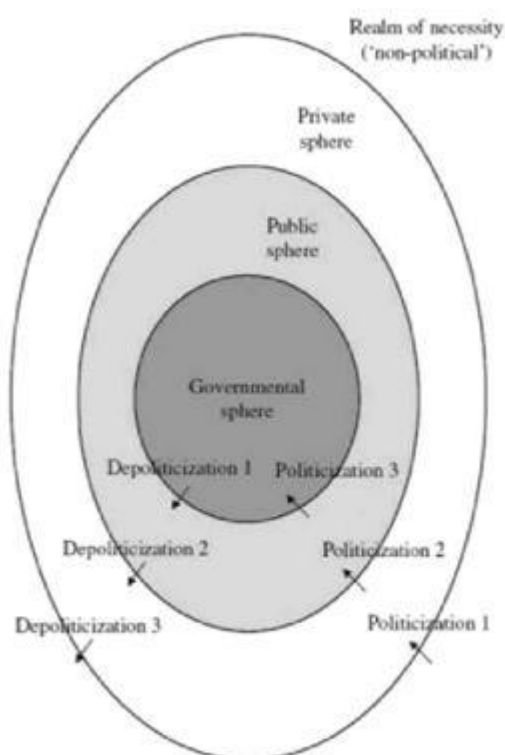
Making policies in favour of the world climate as well as a profit-oriented market economy or a liberal way of social life is in the western democracies quite out of the question. This political entity leads to a depoliticization of those non-questionable Issues. Now, populists all over the world challenge these socially accepted norms and values by offering an alternative world view. The question is, how the apparent lack of alternative cultural models and the rise of populism affect each other respective to cause and effect. In order to examine this question, we must take a short look on how a vital democracy works and what the causes of populism are.

Depoliticization as a confounder for liberal democracies

Robert Dahl describes the continuing responsiveness of the government to the preferences of its citizens as political equals as a key characteristic of a democracy [1]. To do so, Dahl assumes, that all citizens must have among other things the unimpaired opportunities “to formulate their preferences” and “to have their preferences weighed equally in the conduct of the government”[1, p.2]. Furthermore, Dahl describes the right to participate as well as the right to oppose are fundamental for a functioning democratic system [1]. These key characteristics

might be disturbed by a continuing depoliticization of the people.

Depoliticization means in short that issues become no longer a subject of deliberation, decision making and human agency [2]. Hay figures out four “spheres” in a strict ascending hierarchical order: the non-political sphere, the private sphere, the public sphere and the governmental sphere. Politicization of an Issue means that it is ‘elevated’

Politicization according to Hay

to a higher sphere, meanwhile depoliticization of an issue means it is ‘moving’ in the opposed direction and become less politicized. Concerning liberal democracies, the most prevalent form of depoliticization might be the discontent with processes that we no longer have the capacity to manage or steer [2]. “In effect, it disavows and denies the very possibility of deliberation, choice and human agency, and entails a certain fatalism” [2, p.87]. The problem Hay points out here is that people don’t want to deliberate issues, they can’t change. In our contemporary situation there are lots of socioeconomic and sociocultural issues seemingly affected by depoliticization. For example, the imperatives of globalization in terms of economic and cultural integration as well as the climate-change often get communicated by politicians as non-negotiable. Such non-negotiable issues follow a series of policy necessities [2].

These policy necessities in fact diminish the ability of liberal democracies to make political decisions. This point is seriously problematic because a liberal democracy is characterized beside others by sovereignty and pluralism and both characteristics are no longer given in a political system interstratified with policy-necessities and agenda-fatalism. “In the populist imagination, it does not matter who governs because all parties are the same anyway. [...] The legitimacy of representative democracy hinges on the responsiveness of government, which in turn requires that the political system actually returns decisions and that conventional channels of political participation allow citizens to take influence on their outcome. Frustration with the democratic promise has its roots in the perception that liberal democracy increasingly fails to meet these conditions.” [5, p.16]. To illustrate this issue by an example Schirmer mentions one of the “most consequential source of depoliticization is the ideological hegemony of neoliberal globalization whose policy mix of deregulation, privatization, and austerity has sharply reduced the variety of legitimate policy options” [5, p.19]. “Another version of depoliticization concerns the reduction of political alternatives by juridification. If the political system reduces its room for alternatives by putting

into law what should be decided politically, it issues a vote of no confidence against itself” [5, p.18].

Associated with this juridification concerning the increasing amount of international interdependence in a globalized world, “the ability of governments to make policy decisions is unavoidably curtailed by international treaties and obligations” [5, p.18]. Considering the members of the European Union as an extreme case of nations curtailed by international treaties and obligations, “it is hence not surprising that populist mobilization in EU member-states heavily leans on the rejection of the Union and/or the common currency” [5, p.19]. Thus, Schirmer illustrates a relationship between the diminishing ability of liberal democracies to return political decisions by depoliticization and the populist mobilization. The point is that the depoliticization restricts the key characteristic of a democracy – as they have been described by Dahl - because equally weighed preferences of the citizens are not given by depoliticizing issues which are important for some people and either don't deliberate them in the political discourse or get rid of them in public debates. This practice damages democracy because there seems to be no chance to oppose relating to certain issues.

Populism as a result of fatalism

To examine the relationship between fatalism and populism in detail I'll have to point out some core tenets of contemporary populism first. Populism is all about the conflict between “the people” versus “the elite” [4]. “That elite often has been identified as big business, but more recently the targets have been the political establishment that is assumed to be out of touch with those virtuous masses. [...] populist politics revolves around replacing that corrupt elite with representatives of those noble people” [4, p.1]. Hence populism can be considered as a conflict out of economic and social inequality. Cas Mudde suggested that populist philosophy is a loose set of ideas that share three core features: anti-establishment, authoritarianism and nativism. It emphasizes faith in the wisdom and virtue of ordinary people, it displays authoritarian leanings, favouring the personal power

exerted by strong charismatic leadership and finally the populist discourse typically emphasizes nativism or xenophobic nationalism [3].

This issue leads to discontent with the functioning of democratic political systems because even in a democracy (especially in a representative one) socioeconomic and sociocultural differences do exist among the people and as long, as a “privileged class” or an “establishment” exist, the populists will try to overcome it. Furthermore, populists do often have a problem to accept a bureaucratic government as it does exist in liberal democracies, instead they prefer having a charismatic leadership. Moreover, populists take only care of the needs of ‘the people’ or ‘the mass’. The bare reduction on these two target groups contradicts protection of minorities which is a central aspect of vital democracies. But the biggest problem Populists might have with a modern democracy is the cosmopolitan and liberal value-system which stand in high contrast to the nativist and xenophobic attitude of the populists. Living in this liberal and democratic world-order is another example of a fatalistic, non-negotiable and very depoliticized issue which populists have a problem with and try to change.

I argue that populism can be examined as a tool of repoliticization because it tries to politicize depoliticized issues again by pushing those issues back into the public sphere by using populist rhetoric as well as into the governmental sphere by the election of populist parties. But concerning fatalism a less important attempt of defining populism is the cultural backlash thesis. It “suggests that the surge in votes for populist parties can be explained not as a purely economic phenomenon but in large part as a reaction against progressive cultural change” [3]. It suggests populists who are in favour of the status quo try to stop any fatalistic change of the society away from their preferred value-system.

Conclusion

In summary, I depicted a close connection between the populist mobilization and the diminishing ability of liberal democracies to return political decisions

because of depoliticization and a fatalistic agenda-setting. Moreover, I pictured out – regarding the tension between liberalism and democracy - that some of various reasons for populist mobilizations lie even within the liberal-democratic system itself.

Список литературы

- 1 .Dahl, Robert A. 1971. Polyarchy - Participation and Opposition.
2. Hay, Colin. 2007. Why We Hate Politics.
3. Inglehart, Ronald, and Pippa Norris. 2016. “Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash.” Ssrn.
4. Peters, B Guy, and Jon Pierre. 2018. “Populism and Public Administration: Confronting the Administrative State.”:p. 0–22.
5. Schirmer, Dietmar. 2017. “Populism: Movement and Countermovement in the Age of Neoliberal Globalization.” : p.1–22.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Задохин Александр Григорьевич

Доктор политических наук, профессор

Дипломатической академии

Министерства иностранных дел Российской Федерации

E-mail: zadokhin45@inbox.ru

Горелик Илья Борисович

Студент Национального исследовательского ядерного университета

«Московский инженерно-физический институт»

E-mail: zadokhin45@inbox.ru

Alexander Zadokhin

Doctor of Sciences (Political Science), Professor

of the Diplomatic Academy

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E-mail: zadokhin45@inbox.ru

Ilya Gorelik

Student of the National Research Nuclear University

“Moscow Engineering Physics Institute”

E-mail: zadokhin45@inbox.ru

ИСТОКИ И ИСТОЧНИКИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА:

РИСКИ И ВЫЗОВЫ

ORIGINS AND SOURCES OF YOUTH EXTREMISM: RISKS AND

CHALLENGES

Аннотация. Существует противоречивая ситуация вокруг дефиниции «экстремизм». Во-первых, это явление воспринимается или интерпретируется сугубо отрицательно. Но это явление многозначно и многогранно. Раскрыть его сложность возможно при помощи того или иного подхода (например, с точки зрения философии, психологии, социологии, лингвопсихологии, политологии, права и т.д.).

Abstract. There is a controversial situation around the definition of “extremism”. Firstly, this phenomenon is perceived or interpreted uniquely purely negative. But this phenomenon is ambiguous and multifaceted. To reveal this complexity is possible with the help of one or another approach (for example: from the point of view of philosophy, psychology, sociology, linguistic psychology, political science and law, etc.).

Ключевые слова: экстремизм, молодёжь, национальная безопасность, международная безопасность, психология

Keywords: extremism, youth, national security, international security, psychology

Анализ явления экстремизма следует начать с лингвopsихологии. Стоит отметить, что включение в родную речь иностранного слова с определенным значением изменяет понятийный контекст. Так и произошло со словом «экстремизм», являющимся производным от «экстремальный», что значит «предельный».

В психологическом плане в современном экстремизме присутствует первичный мировоззренческий стереотип «Мы-Они», базовый образ «чужого» как чего-то незнакомого, а значит, опасного. Причиной интолерантного, агрессивного отношения выступает психологический барьер «свой - чужой».

В то же время «чужой» является естественной для коллективного сознания категорией, помогающей отрефлексировать, осознать свое коллективное Я, то есть неосознанной потребностью выделить себя из среды обитания или консолидировать себя с себе подобными. Таким образом, речь идет о закономерностях эволюции человеческого сознания. В русле исследований М.М.Бахтина и Ю.М.Лотмана [1] текст или понимание своего группового Я возможно *только* через сопряжение с другим текстом или другой человеческой группой. По мнению исследователей, Свое, Собственное, Внутреннее осознается и проявляется только через встречу с

другой группой, которая воспринимается «чужой» [2] и своей непохожестью устанавливает внешние контуры своего Я, границы того, чем это Я обладает [6].

Отметим также, что *экстремизм* является одной из естественных для человека форм девиантного поведения. Девиация может быть позитивной или негативной. Если индивид стремится преобразить жизнь, а его поступки продиктованы желанием качественно изменить социальную систему, то в этом стремлении нет ничего предосудительного. Однако если действия человека приводят к дезорганизации социальной среды, а для достижения своих целей он использует противозаконные способы, то это свидетельствует о неспособности индивидуума к социализации и нежелании адаптироваться к требованиям социума. Поступки, выходящие за рамки закона, являются примерами негативной правовой девиации.

Социальная девиация может быть как положительной, так и отрицательной. Девиантный поступок в социуме зависит от определяющей его мотивации. Проявление бесстрашия и героизма, научные исследования, путешествия и совершение новых географических открытий — это признаки положительной девиации. Позитивными девиантами являются А. Эйнштейн, Х. Колумб, Джордано Бруно, Стивен Хокинг и другие.

С другой стороны, мировоззренческие взгляды могут иметь крайне консервативное, архаичное (фундаменталистское) или негативное значение. Инновационные взгляды, напротив, могут иметь положительное значение как оппозиция устаревшему. В качестве примера можно привести абсолютный пацифизм или гендерное равенство, социальная справедливость, коммунизм и т.д.

В то же время инновационные идеи в данный исторический момент могут быть непонятыми или опережающими свое время, а, возможно, провоцирующими социальную дестабилизацию.

Экстремизм как явление или «крайность» присущ молодому поколению или поколению будущего. Так возникает проблема «отцов и

детей» или поколений, о чем писал еще И.С.Тургенев в своем произведении «Отцы и дети».

Именно представители поколения NEXТ идут на такие экстремистские действия, как террор против «других» и «чужих», а главное – против политического режима власти, например, В.Засулич совершил покушение на киевского губернатора, Александр Ульянов - на императора Александра III и т.д. С другой стороны, отсутствие контакта властей с протестными движениями провоцирует их экстремистские действия.

Но если подростковый и молодежный экстремизм может иметь возрастной и стихийно-романтический характер, то борьба с ним правоохранительных организаций ведётся вполне осознанно с целью не допустить радикальных действий по отношению к обществу и государству.

Другое дело, что силовые структуры могут не учитывать особенности подростковой психологии. Не говоря уже о том, что они могут преследовать какие-либо политические или карьеристские цели.

В то же время необходимо иметь в виду, что молодежный экстремизм – это сложное явление. Запреты и прямая борьба с ним может стать источником ответного экстремизма.

Молодежи присуще чувство человеческой справедливости, вызов несправедливости. Соответственно, они ищут себе идеалы и находят. Первоначально речь шла об увлечении левыми движениями. Идеология «новых левых» формировалась под влиянием неомарксистской философии «Франкфуртской школы» и политической победы «новых революционеров» на Кубе в 1959 г., а также практики перманентной революции одного из вождей кубинской революции Эрнесто Че Гевары. Так возник культ Эрнесто Че Гевары – революционера-интернационалиста. Современный молодежный культ Че Гевары деидеологизирован: это исключительно возрастной протест и мода, но не более того.

Основу движения «новых левых», распространившегося во второй половине 1960-х гг., составили многочисленные молодежные группировки и

течения, выступавшие против власти технократической элиты, «буржуазных ценностей» «общества потребления», засилья «системной» идеологии, ограничения человеческой индивидуальности и свободы самовыражения. Долгое время они не пользовались широкой поддержкой и проводили мелкие акции протеста. Широкий масштаб мероприятия «новых левых» приобрели во Франции в мае 1968 г. и в США в первой половине 1970-х гг., когда фактически произошло объединение двух протестных движений: «новых левых» и пацифистского движения против войны во Вьетнаме, в каждое из которых входило несколько молодежных организаций.

В 2010-х гг. Арабская весна охватила все страны южного Средиземноморья. Движение характеризовалось активной ролью молодого поколения недовольного условиями жизни, безработицей и отсутствием перспектив [7]. Кроме того, причиной Арабской весны стал дисбаланс в возрастной структуре общества и власти, дисбаланс между ними был не в пользу молодого поколения, что являются самыми опасными и напряженными в политической демографии.

Международный экстремизм

Международный экстремизм – это и транснациональные агрессивные идеологии, и действия по отношению к другой культуре, народу, государству.

Международный экстремизм имеет два источника. Во-первых, это упомянутая первичная и неосознанная оппозиция локальных родовых и общинных групп. Это первичное, спящее актуализируется в кризисные состояния. Например, в процессах распада многонациональных государств и конфликтов. Так происходило при распаде федеративной Югославии и СССР.

Второй источник – это эпоха зарождения мировых, трансэтнических религий (христианства и ислама), которые приводят к одному знаменателю

языческие религии. Эти две религии отличаются друг от друга своими ценностными системами.

Христианство зарождается в последние века существования Римской империи как оппозиция римской религии и культу императора. По своей сути христианство - это религия обиженного и угнетенного Человека-личности. В дальнейшем, став государственной идеологией, христианская религия теряет свою изначальную связь с человеком, но в эпоху Ренессанса возвращается к нему.

Ислам как мировая религия формируется вокруг родоплеменного культа одного из самых влиятельных семитских племен Аравии. Этот культ естественным образом стал вытеснять родовых богов менее сильных племен. Принудительно или добровольно племена полуострова обращались в ислам. Другими словами, эта религия рождается в войне.

С раннего Средневековья между двумя мировыми религиями начинается силовое соперничество.

Современный экстремизм наследует первичное соперничество двух мировых религий. Причем очагом современного международного экстремизма является пространство исламского мира, а территория его распространения – Ближний Восток. Мир Ближнего Востока после распада Османской империи впал в состояние сильнейшей фрустрации. Как писал Мирский, теперь ставка делается на религию [4]. А именно предпринимается попытка возрождения халифата и создания «исламского государства». Авторы, работавшие во фрейдистской традиции, дополнительные подтверждения универсальности агрессивных тенденций искали в анализе особых контекстов, в которых враждебность по отношению к чужим группам проявляется в реальности. Классическая концепция подобного рода – гипотеза фрустрации-агрессии. Так, американский исследователь Л.Берковиц, воспользовавшись основными положениями школы З.Фрейда и теории фрустрации-агрессии, расширил понятие субъекта/объекта агрессии до целой группы. В дальнейшем множество исследований подтвердило

гипотезу Берковица о наличии связи между фрустрацией и агрессией. В частности, кризис региональной идентичности и сопутствующая ему фрустрация простимулировали возникновение череды арабо-израильских войн и гражданских конфликтов в Ираке и Сирии.

Кроме того, еще одним источником международного экстремизма являлась возникающая диспропорция в развитии стран Юга и Севера. В этом случае миграция в Европу – это не только поиск лучшего, но и стремление к реваншу представителей постколониальных стран.

Часто высказывается мнение, что международный экстремизм можно победить или нейтрализовать, только объединив усилия ведущих стран. Но опыт свидетельствует о том, что они заняты геополитическим и геоэкономическим соперничеством между собой или предлагают разные стратегии борьбы с религиозным экстремизмом.

Действительно, так оно и есть.

В основе стратегии США лежит распространение демократии и либерализма. В основе Евросоюза – распространение ценностей гражданского общества.

В России считают, что умеренная клерикализация таких традиционных религий, как православие и ислам, будет способствовать распространению духовности общества. Но оппозиция, в том числе молодежь, видит в этом лишь распространение тоталитаризма.

Как представляется, чтобы выработать оптимальную стратегию, необходимо присмотреться к поколению NEXT и не навязывать ему вчерашние формальные ценности и стереотипы, откладывая решение существующих проблем.

Другими словами, об этом необходимо думать не только в краткосрочной перспективе, а в контексте сверхбольшого и космического будущего [3], а именно за пределами третьего и даже четвёртого тысячелетий, которые будут создавать поколения NEXT.

Список источников и литературы:

1. Бахтин М.М. К философии поступка. М., 1998; Лотман Ю.М. Мозг. Текст. Искусственный интеллект. – Семиотика и информатика. М., 1978 и др.
2. Бубер М. Я и Ты. — М., 1993.
3. Кричевский С.В. Внеземная организация социума будет сетевой/ Независимая Газета-наука. [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/science/2019-04-09/12_7552_asgardia.html (дата обращения: 21.11.2019).
4. Мирский Г. Кровавый хаос на Арабском Востоке/ Независимая газета. [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-11-21/5_chaos.html (дата обращения: 21.11.2019).
5. Погосян Р.А. Молодежный фактор в «арабской весне»: проблемы и перспективы.
6. Полорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию — М., 1995. — С. 144-145.
7. Шукуров Р.М. Введение, или предварительные замечания о Чуждости в истории. - Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999.
8. Карпович О.Г. Конфликты цивилизаций: актуальные проблемы // Международные отношения. 2014. № 1. С. 62-67.
9. Карпович О.Г. Риски и угрозы цветной революции в России // Политика и общество. 2015. № 1 (121). С. 107-115
10. Шангараев Р.Н. Власть и насилие террористических организаций в незападных обществах // Власть и насилие в незападных обществах: актуальные проблемы исследований 2016. С. 182-183

Ломова Анастасия Александровна,
Аспирант Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: lomova.dip@gmail.com

Anastasiya Lomova,
Postgraduate Student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
E-mail: lomova.dip@gmail.com

ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: РАЗНИЦА В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ

HUMANITARIAN SECURITY: DIFFERENCES IN DEFINITIONS

Аннотация. Среди многочисленных международных вызовов и угроз вопросы безопасности представляются наиболее актуальными. Отличие гуманитарной безопасности от традиционной безопасности государства вызывает мало споров среди исследователей, а скорее признаётся как факт. Тем не менее, ни общего определения, ни тенденции к единому пониманию этой концепции нет. От узкого до широкого подхода, от европейских до азиатских исследований «гуманитарная безопасность» стала стратегическим нарративом в политике европейских и азиатских стран. Целью исследования является выявление схожих черт и особенностей, определении возможного влияния на формирование международного контекста безопасности.

Abstract. Among numerous international challenges and threats security issues are most relevant. The differences between human security and the traditional security of the state cause a few disputes among researchers, but rather are recognized as fact. Nevertheless, there is no general definition or a common understanding of the concept. From the narrow to the broad approach, from European to Asian studies, "human security" has become a strategic narrative in

the politics of European and Asian countries. The study is focused on identifying their similarities and features, and the possible impact on the creation of an international security context.

Ключевые слова ЕС, Китай, Африка, гуманитарная безопасность

Keywords EU, China, Africa, human security

Мировой политический порядок и состояние международных отношений значительно изменились со времен холодной войны [3]. Включение Китая в глобальные дела и экономическую систему считается одним из самых значимых событий XXI века. Из-за стремительного развития Китая и его растущего значения в глобальных делах возникла дискуссия о том, следует ли его политике придерживаться национальных амбиций и, следовательно, вопрос о том, стоит ли уделять основное внимание коллективным интересам или, наоборот, индивидуальным.

Традиционная безопасность обычно понимается как национальная безопасность и суверенитет, а также делается акцент на военных возможностях и действиях государства. Термин «гуманитарная безопасность» по-прежнему остается весьма полемическим, и его значение, последствия и границы еще не совсем ясны. Принимая во внимание размытый аспект концепции, в настоящей статье проводится попытка проанализировать ее характеристики с точки зрения Китая. Западные страны, следуя общему определению гуманитарной безопасности, установленному ООН, склонны скептически относиться к подходу Китая и считают, что развитие Китая отвечает стремлению к национальному превосходству и экспансии.

С другой стороны, Китай развивает собственное представление о концепции гуманитарной безопасности, доказывая, что национальные интересы и защита физических лиц не являются взаимоисключающими. Интересы Китая направлены не только на суверенитет Китая, но и на обеспечение гуманитарной безопасности. Исторические и культурные

особенности Китая отличаются от западных, и, как следствие, политическая культура и широкие взгляды на понятия безопасности и международных отношений не усваиваются общепринятой западной перспективой. Поэтому важно понимать китайские современные характеристики, которые по-прежнему зависят от его традиционных верований[7]. В связи с этим изучение исторического, культурного и философского развития Китая должно помочь понять его позицию в международных отношениях и политике безопасности. Несмотря на то, что у Китая определенно есть свое собственное понимание безопасности, он в то же время корректирует свою политику, чтобы присоединиться к международному сообществу, доказывая свое место в нем как ответственной державы.

Концепция гуманитарной безопасности человека и его интерпретация не являются универсальными. Это новое понятие безопасности, основанное на индивидуализме, продвигается западными мировыми державами, но кажется спорным с точки зрения азиатских культур, где общество подчеркивает братство и взаимозависимость отдельных лиц внутри него[5].

Китайский вклад в концепцию гуманитарной безопасности

Р. Лиотта в своей статье «Эффект Бумеранга: конвергенция национальной и гуманитарной безопасности» заявляет, что события в Соединенных Штатах 11 сентября 2001 года стали важной вехой в истории, подразумевая, что «негосударственные субъекты могут серьезно повлиять и нивелируют мощь могущественного государства»[4]. Поэтому другие аспекты, рассматриваемые как нетрадиционные проблемы безопасности - «изменение климата, нехватка ресурсов, снижение производительности или транснациональные проблемы преступности и терроризма»[4] - стали важными угрозами для людей. Как следствие, сильным странам, таким как Китай, необходимо было учитывать эти проблемы безопасности человека, а также традиционные внутренние проблемы безопасности. По мнению автора, эти проблемы «иногда сливаются друг с другом, а иногда и

сталкиваются». Р. Лиотта также считает, что необходимо выделять защиту отдельных граждан, поскольку это «является лучшей гарантией долгосрочной стабильности, процветания и безопасности»[4]. Поэтому Китай, будучи развивающейся страной с большим потенциалом, должен уделять особое внимание гуманитарной безопасности как способу обеспечения стабильности, процветания и безопасности.

«Китай и гуманитарная безопасность» - статья, написанная Шулуном Чу в 2002 году [2], позволяет читателю понять развитие китайской политики в отношении более интернационализированной и централизованной системы безопасности. До 2002 года безопасность Китая была в основном сосредоточена на традиционной безопасности, в которой важнейшими целями были национальный суверенитет и территориальное единство. Во всяком случае, в 2002 году китайская тенденция начала меняться. В этой статье также признается, что китайские лидеры стараются избегать термина «гуманитарная безопасность», поскольку зарубежные страны могут соотнести это с правами человека. По словам автора, Китай до 1980-х гг. был «изолированной и отсталой страной», которая больше всего была обеспокоена национальной безопасностью. В «Белой книге по обороне Китая» отмечается, что наиболее важным вопросом для страны будет защита суверенитета государства, единства территориальной целостности и безопасности.

Однако автор статьи не учитывает другие аспекты китайских Белых книг, которые включают понятия, связанные с концепцией гуманитарной безопасности с позиции Запада. Это такие понятия, как гендерное равенство, права человека или охрана окружающей среды. Тем не менее в своей статье Шулуном Чу подчеркивает озабоченность Китая тем, что японцы называли «всеобъемлющей безопасностью». Эта новая концепция расходится с идеей традиционной безопасности, признавая, что безопасность зависит не только от военных вопросов, но и от «экономических, культурных и других»[1]. После периода холодной войны

китайское правительство ввело концепцию безопасности, в которой она «не может зависеть от увеличения военного оружия и не может зависеть от военных блоков». Правительство Китая подчеркивает необходимость «диалога и сотрудничества» в целях содействия «региональному миру и развитию» и заявляет о важности мирных диалогов для решения проблем между странами. Безопасность больше не зависит от военных действий. Благодаря переходу от традиционной системы безопасности к нетрадиционной и развитию Китая китайское правительство пытается справиться с проблемами населения (занятость, права человека, экологическая ситуация, социальное обеспечение и безопасность пищевых продуктов) и «тратить деньги и ресурсы на эти вопросы».

Национальный план действий в области прав человека опубликован в 2009 году. В нем правительство Китая утверждает, что «дело прав человека в Китае вступило в новый этап развития», в котором оно нацелено на «обеспечение осуществления конституционных принципа уважения и защиты прав человека». Далее говорится, что «... следует помнить, что Китай остается развивающейся страной, чреватой проблемами от несбалансированного, нескоординированного и неустойчивого развития ... и ему предстоит пройти долгий путь, прежде чем он достигнет высокой цели полного осуществления прав человека»[1]. Этот план действий уже демонстрирует адаптацию Китая к западным ценностям и признание потребностей в улучшении прав и условий жизни граждан. Это означает огромный шаг, учитывая прошлое нежелание даже упоминать концепцию прав человека в Китае.

Традиционные подходы Китая к своей истории как к «избитой» стране - это наследие подчеркивает необходимость Китая в независимости и национальном суверенитете.

Региональный суверенитет в Китае упоминается в статье Холслега «Обретение глобальных амбиций безопасности», написанной в 2009 году для Брюссельского института современных исследований в Китае. Автор

утверждает, что стратегия безопасности Китая «всегда была направлена на защиту ее длинных, нестабильных границ». И поэтому Китай воспринимается на международном уровне как страна, которая в основном заботится о своем суверенитете. В этой статье отмечается, что Китай все больше заинтересован в увеличении своей военной мощи и международных последствиях этого факта. По словам Холслега, многие страны, в том числе Соединенные Штаты, не уверены в намерениях Китая, а китайская политика и коммуникация нуждаются в большей прозрачности. С одной стороны, Китай рассматривается как потенциальная угроза. С другой - его военное развитие можно рассматривать как гарантию защиты глобальной стабильности, если Китай будет придерживаться международных норм. Помимо того, что он развивает свою силу для защиты, Китаю необходимо показать миру, что это не угрожает, а скорее вносит вклад в «стабильный мир». Проблемы безопасности, такие как экономика, морское пиратство, терроризм или энергетическая безопасность, которые напрямую связаны с безопасностью человека, становятся все более важными для Китая. Для обеспечения более безопасной среды необходимо сотрудничество между мировыми державами. Поэтому Холслаг говорит о необходимости многостороннего сотрудничества с целью получения взаимных и глобальных преимуществ, а «привлечение военного измерения может сделать эти отношения еще более надежными и стабильными»[8].

Участие Китая в миротворческих операциях ООН (в миссиях в Камбодже (конец 1980-х - начало 1990-х годов), Боснии (2001), войне в Персидском заливе, на Ближнем Востоке и в Африке) с 1990 года возрастает. Но почему Китай по-прежнему рассматривается как угроза международной стабильности? Дэнни Рой в своей статье «Проблема Китая» пытается объяснить это. Главной причиной он называет отсутствие прозрачности в намерениях Китая. Тем не менее намерения китайского правительства становятся все более очевидными благодаря его склонности к участию в миротворческих операциях, сотрудничеству в международных

делах и борьбе с глобальными угрозами, такими как стихийные бедствия или операции по борьбе с пиратством[8].

По прогнозам, Китай может превзойти Соединенные Штаты, став крупнейшей экономикой в мире к 2027 году. Это, конечно, считается угрозой для западных стран, поскольку Китай может вывести международную систему в неизвестный политический фон, основанный на азиатских ценностях. Однако китайские лидеры пытаются укрепить имидж Китая как ответственной державы в международном сообществе, активно участвуя в социальной защите и гуманитарной деятельности. Китай, видимо, осознает необходимость повышения своей ответственности при развитии экономического положения и усилении влияния в международной системе.

Результаты страны в международных делах и защита гуманитарной безопасности выгодны для Китая и для международного сообщества. Это приводит нас к еще одной дискуссии, связанной с относительно новой озабоченностью Китая вопросом гуманитарной безопасности: Действительно ли Китай обеспокоен безопасностью людей? Или Китай использует эту концепцию как инструмент для получения национального превосходства? По словам доктора Кэтрин Мортон, старшего научного сотрудника Департамента международных отношений в Колледже Азии и Тихого океана в Австралийском национальном университете, нетрадиционные вопросы безопасности обычно политизируются. Она утверждает, что Китай исследует, как нетрадиционные угрозы могут влиять на его национальную стабильность и как нетрадиционная безопасность может способствовать его развитию [6]. Она считает, что Китай будет заниматься нетрадиционными угрозами в случае, если они будут влиять на внутренние дела страны.

В любом случае Китай присоединяется к международному сообществу и сотрудничает с такими международными организациями, как ООН, с целью укрепления гуманитарной безопасности. В феврале 2014 года

китайский посол Ван Мин прокомментировал важность сотрудничества между ЕС и ООН в целях улучшения нетрадиционной безопасности. Он рассказал о Стратегии сотрудничества Китая и ЕС-2020, в которой подтверждается стремление Китая «углубить стратегическое взаимное доверие между Китаем и ЕС, укреплять сотрудничество в рамках Организации Объединенных Наций и других многосторонних форумов и совместно вносить дальнейший вклад в содействие миру во всем мире, стабильности и процветанию»[9]. Если Китай пытается улучшить концепцию гуманитарной безопасности человека и внести вклад в международную безопасность, то не все международное сообщество выигрывает от развития Китая. Некоторые страны могут быть обеспокоены последствиями такого развития, поскольку это может изменить глобальное соотношение сил и повестку дня. Возможно, тогда придется столкнуться с международными проблемами с новой азиатской точки зрения.

Почему мы должны скептически относиться к этому? Если мы будем учитывать китайские традиционные ценности, основанные на конфуцианстве и даосизме, то Китай предстает как новая глобальная сила, способная сформировать новую международную систему, которая не обязательно плохая, но другая. Китай может продвинуть вперед международное сотрудничество. Он осознает свои недостатки и прилагает усилия, чтобы компенсировать их. Консенсус и слияние западных и восточных убеждений могут быть полезными для мирового сообщества. Для достижения этой цели необходимы коммуникация, взаимные знания и адаптируемость, которые будут способствовать взаимному просвещению и вкладу, а также более терпимой и мирной обстановке для установления международных отношений нового типа.

Китайская концепция безопасности традиционно ориентирована на защиту внутренней безопасности, суверенитета и защиту Китая как

независимой нации. Но интересы безопасности Китая меняются. Однако на различные подходы к безопасности могут влиять культура, традиции и история. Китайская культура ведет к другому пониманию гуманитарной безопасности в отличие от того, что западные люди считают универсальным. Западные страны будут защищать понятие гуманитарной безопасности, в котором человек является приоритетом. Китай не принимает это понимание безопасности для «единственного» человека, так как китайцы воспринимают свое общество как группу людей.

Так было в традиционной китайской политике, так продолжается и сегодня. Понятия братства и товарищества, подчеркнутые коммунистической риторикой Мао Цзэдуна, оказали влияние на китайское восприятие общества как группы лиц, в которой все они принадлежат друг другу. Эти факты определили понятие безопасности человека в китайской политике таким образом, что оно отличается от общепринятой западной концепции гуманитарной безопасности.

Активное участие Китая в международных организациях, таких как ООН, и его сотрудничество с иностранными институтами и странами с целью обеспечения безопасности за пределами национальных границ подтверждает осознание Китаем гуманитарной безопасности как долга. Чем больше Китай развивается как глобальная держава, тем больше ответственности ждут от него. Китай, похоже, принял этот вызов. Однако страна все еще развивается и, следовательно, должна продолжать повышать свою эффективность. Китай также должен защищать себя. Ему необходимо быть осторожным при принятии решений внутри страны и на международном уровне, если он хочет гарантировать стабильность и избежать крупных и более опасных конфликтов. Путь Китая к развитию - это медленный и деликатный процесс, к которому необходимо относиться осмотрительно. Вместо того, чтобы критиковать несовершенство Китая и наносить ущерб его имиджу, западные страны должны осознавать преимущества Востока, в частности Китая, и сотрудничать с ним, чтобы

оправдать ожидания будущего мирового сообщества, а также максимально использовать мирное развитие Китая и совместно работать над улучшением глобальной безопасности человека.

Список источников и литературы

1. Chu S. China and Human Security. North Pacific Policy Papers. Program on Canada-Asia Policy Studies. Institute of Asian Research. University of British Columbia. 2002.
2. Chu S. Globalization and Security: A Chinese view. Institute of Strategic Studies. Tsinghua University. Beijing. 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0967010602033004007> (Дата обращения 25.11.2017).
3. Jian Y. China's Security Challenges: Priorities and Policy Implications. 2010.
4. Liotta P.H. Boomerang Effect: The convergence of National and Human Security. [Электронный ресурс] URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0967010602033004007> (Дата обращения 25.11.2017).
5. Mark A. The Concept of Security. Promoting Security: But How. For whom, Brief 30, Bonn. International Center For Conversion. 2005.
6. Morton K. China and Non-Traditional Security: Towards what End? S. Rjaratnam School of International Studies. 2011.
7. Ou C. The characteristics of China's National Security. School of Social Science, Universiti Sains Malaysia. Malaysia. 2011.
8. Roy D. The 'China Threat' issue. Major Arguments. University of California Press. California. 1996.
9. Wang M. Security Briefing on Cooperation between the United Nations and the European Union. 2014.
10. Борисов А.В. Гуманитарная деятельность: подходы и проблемы // Дипломатическая служба. 2018. № 4. С. 66-72.

Коркотадзе Жанна Лериевна

Аспирант

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина

E-mail: brilliant995@gmail.com

Zhanna Korkotadze

Postgraduate Student of the Ural Federal University named after the first

President of Russia B.N.Yeltsin

E-mail: brilliant995@gmail.com

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ ДОГОВОРА О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (1958 – 1968 ГГ.)

HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE TREATY ON THE NON- PROLIFERATION OF NUCLEAR WEAPONS (1958 – 1968)

Аннотация. В статье рассмотрены предпосылки вопроса нераспространения ядерного оружия. Показаны ретроспектива проведения переговоров и принятия решений государствами, результатом которых стало подписание ДНЯО.

Abstract. The article deals with background to the issue of non-proliferation of nuclear weapons. History of negotiations and decision-making states that led to the signing of the NPT are shown. Why conclusion of the Treaty was delayed.

Ключевые слова: ДНЯО, СССР, США, НАТО, ООН

Key words: NPT, USSR, the USA, NATO, UN

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) – международный договор, который был разработан Комитетом по разоружению ООН с целью недопущения расширения круга стран, обладающих ядерным оружием, а также ограничения возможности возникновения конфликта с применением такого оружия. Договор носит

многосторонний характер. Он был открыт для подписания в 1968 г. и вступил в силу в 1970 г.

Предпосылки

Предпосылками вопроса нераспространения ядерного оружия послужили ядерные испытания государств. Точкой отсчета можно считать первое испытание атомной бомбы США в 1945 г. в Аламогордо, а также применение бомб в Хиросиме и Нагасаки. Далее испытание ядерного оружия провел СССР в 1949 г., Великобритания - в 1952 г., Франция - в 1960 г., Китай - в 1964 г.

Стоит обратить внимание на речь президента США Дуайта Эйзенхауэра «Атомы для мира», с которой он выступил на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1953 г.. В своем выступлении он отметил, что если изменить атомную промышленность, которая направлена на военные цели, то ядерная энергия может быть использована в благих целях и с пользой для человечества. Это возможности для всеобщего, эффективного и экономического применения. Президент внес предложение создать Международный орган по атомной энергии, призывая «правительства, главным образом заинтересованные в этом вопросе», делать совместные сборы запасов урана и расщепляющихся материалов. Данный орган должен нести ответственность за поступление и сбережение расщепляющихся материалов, которые ему предоставили. Главная обязанность этого органа - выработка методов, посредством которых материалы необходимо использовать в мирных целях [4]. После выступления президента Д. Эйзенхауэра СССР и США приступили к переговорам о создании Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Соединенные Штаты также вели переговоры с Канадой, Соединенным Королевством, Австралией, Южной Африкой, Португалией, Францией, Бельгией. В 1954 г. Генеральная Ассамблея ООН поддержала работу государств, которые

участвовали в переговорах [2]. МАГАТЭ было создано 29 июля 1957 г., когда устав вступил в силу.

Испытания бомб и дальнейшее их применение повлекло за собой разрушающие последствия. Однако в данной ситуации можно отметить и положительный эффект. Все это привело к созданию такого международного органа, как МАГАТЭ, который функционирует в настоящее время; положило начало международному режиму в области ядерного оружия, который сохранился до наших дней.

Начало переговоров

Нераспространение ядерного оружия как отдельный вопрос был рассмотрен в 1958 г., когда Ирландия предоставила свой проект резолюции на заседании 13 сессии Генеральной Ассамблеи [3]. Франк Айкен, министр иностранных дел Ирландии, в своем выступлении заявил, что переговоры в Первом Комитете проходили в спокойной атмосфере, несмотря на разные мнения по аспектам разоружения, и что желательно прекратить испытания атомного и водородного оружия. Он отметил, что было бы разумнее достичь соглашения о прекращении испытаний даже на 1 год с возможностью возобновления, чем постоянный запрет [10]. Ирландская делегация считала конструктивным шагом проект резолюции семнадцати государств (A/C.1/L.205) [5]. Этот проект призывал стороны, участвующие в переговорах, достичь соглашения о приостановлении испытаний ядерного оружия под международным контролем. Проектом, предоставленным Ирландией, было предусмотрено создание специального комитета, который изучал опасности, связанные с распространением ядерного оружия [9]. Во время обсуждения проекта резолюции Ирландии между Соединенными Штатами и СССР возникли разногласия. На тот момент проблема возникла из-за размещения американских ракет в Европе. Эти ракеты («Тор» и «Юпитер») были оснащены ядерными боеголовками. Советский Союз хотел, чтобы проблема решалась ООН, но США были против этого [1, с.92]. На тот

момент Генеральная Ассамблея не приняла резолюцию относительно вопроса нераспространения, но включила в повестку дня 14 сессии пункт «Предупреждение более широкого распространения ядерного оружия». На 14 сессии в 1959 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 1380 (XIV). В резолюции присутствовало желание Генеральной Ассамблеи, чтобы Комитет десяти государств по разоружению рассмотрел вопрос о средствах предотвращения опасности увеличения числа государств, которые обладали бы ядерным оружием [8]. Тем не менее, Комитет не рассмотрел вопрос ядерного нераспространения, хотя заседал в Женеве с 15 марта по 28 июня 1960 г.

В декабре 1961 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, в которой призывала государства, обладающие ядерным оружием, приложить усилия, чтобы заключить международное соглашение, в котором эти страны обязывались воздержаться от передачи контроля над ядерным оружием, а страны, которые не имели такого оружия, обязывались не производить ядерное оружие и не получать контроль над ним. Данная резолюция получила название «Ирландской». Ее значение заключалось в том, что на тот момент в ООН складывался консенсус в пользу заключения договора о нераспространении ядерного оружия [1,92].

НАТО

Заключение договора о нераспространении ядерного оружия затянулось на несколько лет. Это связано с тем, что Соединенные Штаты продвигали идею создания многосторонних ядерных сил (МЯС) НАТО с конца 1960 г. до середины 1966 г. В 1959 г. Верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО предложил передать часть ядерного оружия под контроль НАТО. Был разработан первоначальный план МЯС, целью которого было привязать Западную Германию к США и таким образом оказывать влияние на Западную Европу. Советский Союз с появлением этих планов резко критиковал данную ситуацию. Как заявил министр

иностранных дел СССР А. А. Громыко, превращение НАТО в «ядерную державу» означало бы превращение Западной Германии в «ядерную державу», а допуск западногерманских милитаристов к оружию расценивалось бы как преступление против мира [6]. Франция и Великобритания не поддержали идею МЯС. Великобритания выдвинула план Атлантических ядерных сил (АЯС), а Франция - идею создания Европейских ядерных сил как противовеса МЯС и АЯС. Планы Соединенных Штатов не увенчались успехом. В мае 1966 г. Сенат принял резолюцию в пользу скорейшего заключения ДНЯО [1, 95].

На пути к заключению договора

В 1962 г. СССР и США были представлены проекты договора о всеобщем разоружении. В этих проектах содержались положения о предотвращении распространения ядерного оружия.

В 1965 г. Комиссией по разоружению была принята резолюция, в которой содержалась рекомендация Комитету восемнадцати возобновить его работу и уделить внимание вопросу договора или конвенции о предотвращении распространения ядерного оружия. Соединенные Штаты на сессии Совещания Комитета представили на рассмотрение проект договора. Это был первый проект договора, посвященный только ядерному нераспространению. На сессии Генеральной Ассамблеи СССР представил проект договора о нераспространении ядерного оружия. В 1966 г. Генеральной Ассамблеей были приняты две резолюции, которые были озаглавлены как «Нераспространение ядерного оружия». Одна резолюция призывала уделить внимание вопросу скорейшего заключения договора о нераспространении. Вторая резолюция предлагала созвать конференцию государств, которые не обладали ядерным оружием, чтобы рассмотреть вопрос их сотрудничества с целью предотвращения дальнейшего распространения. Также там содержалось предложение Председателю Генеральной Ассамблеи об учреждении подготовительного комитета.

Предполагалось, что в подготовительном комитете могли быть представлены государства, не обладающие ядерным оружием, принимающие меры для созыва конференции [7].

В 1968 г. Совещание Комитета восемнадцати возобновило свою работу и уделило внимание переговорам, связанным с Договором о нераспространении ядерного оружия. Соединенные Штаты и СССР представили пересмотренные проекты договора, в которые были внесены изменения. Кроме того, США и СССР представили совместный проект договора. В июне 1968 г. Генеральной Ассамблеей была принята резолюция, которая одобрила Договор о нераспространении ядерного оружия, а также просила правительства-депозитарии открыть Договор для подписания и ратификации. Депозитариями были СССР, США и Соединенное Королевство. 1 июля Договор был открыт для подписания. Он вступил в силу в 1970 г. На Конференции по рассмотрению и продлению действия Договора 1995 г. было принято решение о его бессрочном сроке действия. Изначально же этот срок составлял 25 лет.

Договор о нераспространении ядерного оружия до сегодняшнего дня не теряет своей актуальности и является универсальным, хотя и вызывает некоторые споры между странами.

Список источников и литературы

1. Ахтамзян И.А. и др. Ядерное нераспространение: в 2-х т. Т. 1/ И.А. Ахтамзян и др. Под общ. ред. В.А.Орлова – М.: ПИР-Центр, 2002. – 528 с.
2. Выступление Эйзенхауэра «Атом для мира». Выступление, которое способствовало созданию МАГАТЭ // Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) [Электронный ресурс] URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/54401210304_ru.pdf (дата обращения: 13.11.2018).

3. Договор о нераспространении ядерного оружия, 1968 год // United Nations Audiovisual Library of International Law. [Электронный ресурс] URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/tnpt/tnpt_ph_r.pdf (дата обращения: 04.12.2018).
4. Речь президента Соединенных Штатов г-на Двайта Д. Эйзенхауэра на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 8 декабря 1953 года // ООН. [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/ru/ga/iaea/eisenhower-2.htm> (дата обращения: 10.11.2018).
5. General Assembly, 13th session, official records: 1st committee, 953rd meeting, Friday, 17 October 1958, New York // Official Documents System of the United Nations. [Электронный ресурс] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/NL3/032/42/pdf/NL303242.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.12.2018).
6. Letter dated 24 September 1965 from the Minister for Foreign Affairs of the Union of Soviet Socialist Republics addressed to the President of the General Assembly // Official Documents System of the United Nations. [Электронный ресурс] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N65/226/61/pdf/N6522661.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.11.2018).
7. Non-proliferation of Nuclear Weapons // Official Documents System of the United Nations. [Электронный ресурс] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/787/49/img/NR078749.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.11.2018).
8. Prevention of the wider dissemination of nuclear weapons // Official Documents System of the United Nations. [Электронный ресурс] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/144/49/img/NR014449.pdf?OpenElement> (access mode: 13.11.2018).
9. Question of disarmament: draft resolution/Ireland // Official Documents System of the United Nations. [Электронный ресурс] URL: [https://documents-dds-](https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/144/49/img/NR014449.pdf?OpenElement)

ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N58/241/72/pdf/N5824172.pdf?OpenElement (дата обращения: 16.11.2018).

10. Text of speech made by the Minister for External Affairs Mr. Frank Aiken, T. D., in the First (Political) Committee of the U.N. General Assembly on 17th October, 1958, concerning nuclear disarmament // Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dfa.ie/media/dfa/alldfawebstimedia/ourrolesandpolicies/disarmament-frank-aiken-speech-1958.pdf> (дата обращения: 17.11.2018).

11. Тимакова О.А. Израиль И НАТО: пределы взаимодействия // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 2 (8). С. 74-86.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Магомедов Малик Магомедович

Аспирант Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

E-mail: malik05.01@mail.ru

Malik Magomedov

Postgraduate Student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E-mail: malik05.01@mail.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИЗРАИЛЯ НА ПАЛЕСТИНСКИХ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

CONSEQUENCES OF ISRAELI SETTLEMENT POLICY IN PALESTINIAN OCCUPIED TERRITORIES

Аннотация. Данная статья посвящена одной из самых острых проблем Ближнего Востока, а именно поселенческой проблеме палестино-израильского конфликта. Учитывая тот факт, что данный регион превращается в центр различного рода конфликтов, становится все более актуальным изучение их специфики в этом регионе. С этой целью автором данной статьи рассматриваются последствия поселенческой политики Израиля для палестинского народа, а также ключевая роль поселенческой политики в палестино-израильском конфликте.

Annotation. This article deals with one of the urgent problems of the Middle East, namely the settlement problem of the Palestinian-Israeli conflict. Given the fact that the region is becoming a center of various kinds of conflicts, it is becoming increasingly important to study the specifics of conflicts in the region. To this end, the author of this article examines the consequences of Israel's settlement policy for the Palestinian people, as well as the key role of settlement policy in the Palestinian-Israeli conflict.

Ключевые слова: поселенческая политика, Израиль, Палестина, Западный берег р. Иордан, сектор Газа

Keywords: settlement policy, Israel, Palestine, West Bank, Gaza Strip

На Ближнем Востоке происходит столкновение интересов как великих держав, так и развивающихся государств. Ближний Восток – быстрорастущий центр мировой инфраструктуры. Исторически здесь сосредоточены центры трех мировых религий. Палестино-израильский конфликт по своей сути является локальным, но затрагивает интересы многих государств мира. В клубке палестино-израильских противоречий проблема израильских поселений на оккупированных арабских территориях является одной из самых сложных. И даже многолетнее активное участие международного сообщества, включая Россию, США, Евросоюз, ООН, пока не дает действенных результатов по ее решению. Ни евреи, ни арабы не представляют себя вне этой спорной территории; борьба ведется не только за территорию, но и за историю, религию и традиции.

Проблема палестино-израильского конфликта занимает одно из главных мест во внешнеполитических интересах России на Ближнем Востоке. Участие России в процессе урегулирования конфликтов в регионе так же важно, как и участие остальных членов «квартета». Российские усилия в БВУ на данном этапе сосредоточены на преодолении межпалестинского раскола и обеспечении позитивной эволюции подходов всех палестинских фракций к переговорам с Израилем. Так, Россия поддерживает регулярные контакты со всеми палестинскими группами, организует межпалестинские встречи.

Следствием поселенческой политики и различных методов ущемления прав коренного населения стала массовая эмиграция палестинского населения в другие страны. Примерно 13 тысяч палестинцев ежегодно покидали территорию проживания, оккупированную Израилем, по данным ООН до 1990 г. (конференция по торговле и развитию). Только в период с

1967 г. и до 1990 г. территории ЗБРИ и сектора Газа покинуло свыше 250 тыс. человек [3]. Согласно отчетам специальной Комиссии ООН, непосредственной причиной перемещения арабского населения является поселенческая политика Израиля. С момента начала поселенческой политики, в 1967 году количество арабоязычных жителей ЗБРИ и Иерусалима уменьшилось почти на 32% [1]. Профессор социологии университета Бир-Зейт Салим Тамари, выступая в 1977 г. на сессии подкомиссии Сената США по вопросам иммиграции, заявил, что «эмигрирует в основном молодое поколение, на плечи которого ложится ответственность за пропитание своей семьи. Они вынуждены мигрировать в арабские страны в поисках работы. Сложная социальная ситуация мешает найти работу на оккупированных территориях и в самом Израиле, что стало причиной нарушения демографического равновесия» [10]. Это является негативным трендом и приводит к сокращению численности населения. Несмотря на Норвежские соглашения, уровень миграции палестинского населения все равно рос и достиг примерно 35 тысяч человек ежегодно. После ужесточения политики Израиля по причине интифады в 2000 г., число эмигрантов резко выросло и достигло примерно 80 тыс. человек в год (на 50% больше, чем в 2001 г.) [16]. Израильская пограничная служба передает следующие данные: в период с 1967 г. по 2003 г. 310 тыс. палестинцев эмигрировали из Западного берега реки Иордан и Газы. Израильские меры вынудили и христианское население ЗБРИ покинуть свои дома и эмигрировать. Численность христианского населения сократилась с 12% до 3% [8]. Университет Бир-Зейт опубликовал социальный опрос, проводимый среди палестинских жителей, на тему эмиграции. Выяснилось, что примерно 30% населения ЗБРИ выразило желание покинуть место проживания. Эмиграцию в лагерях беженцев и секторе Газа считают более актуальной и приемлемой мерой в нынешних условиях, более 31% опрошенных высказалось за эмиграцию. Жители оккупированных территорий, имеющие высшее образование (35,2%) и рабочую квалификацию (41%), говорят о

желании навсегда покинуть место проживания. «Около 62,5% палестинцев, придерживающихся светского образа жизни, выразило желание эмигрировать. Примерно 25% палестинцев, живущих по религиозным канонам, выразило желание эмигрировать [6].

На Западном берегу существует множество трасс и дорог, закрытых для пользования палестинцами. Имеется три вида ограничений. Первый вид – дороги, полностью закрытые для палестинцев. Второй вид предполагает частично закрытое движение на них. И третий – дороги с ограниченным движением. К первому виду дорог относится около 20 магистралей регионального значения [7]. Палестинцам запрещено перемещаться с территории ЗБРИ в сектор Газа. Всего лишь 30% дорожных маршрутов являются доступными для арабского населения ЗБРИ. Израильские власти распространили свои ограничительные меры даже на транспортные средства социальных и гуманитарных служб. Разрешительные документы на пользование закрытыми дорогами имеют всего лишь 3,5 тыс. палестинцев, как правило, это государственные служащие палестинской администрации [12]. Но жители ЗБРИ с израильским гражданством получают полный доступ ко всей дорожной инфраструктуре [11]. Ко второму виду относятся те дорожные артерии, которые требуют для использования израильский пропуск. К третьему виду (ограниченное движение) относится около 40% дорог. В соответствии с данными бюро по координации гуманитарных вопросов ООН, протяжённость дорог составляет около 700 км [9]. В сложившейся ситуации для передвижения между населёнными пунктами палестинцы вынуждены пользоваться системой объездных дорог. Это труднопроходимые, неудобные дороги, поездка по которым занимает долгое время. Как отмечалось ранее, транспортные дороги ЗБРИ имеют многочисленные препятствия, непосредственно ограничивающие передвижения. В июле 2018 г. УКГД завершило всеобъемлющее "заключительное исследование", в ходе которого было зафиксировано 705 постоянных препятствий на Западном берегу, ограничивающих или

контролирующих движение палестинских автотранспортных средств и в некоторых случаях пешеходов. Этот показатель на три процента выше, чем в декабре 2016 г. [12].

Если стена Апартеида будет полностью достроена, то примерно 10% территории, принадлежащей палестинскому народу, будет изолировано от основной ее части, включая Восточный Иерусалим. Таким образом, около 300 тысяч палестинцев окажутся зажатыми с двух сторон стеной и линией прекращения огня 1967 г. [7], вдобавок к имеющимся уже палестинским населенным пунктам, которые оказались полностью изолированными от территорий ЗБРИ из-за израильской заградительной стены, окружающей их с трех сторон.

Основная часть палестинского населения на оккупированных территориях связана с сельским хозяйством, поэтому нехватка воды стала наиболее серьезной проблемой для них. Эта проблема отрицательно влияет на все сферы жизни палестинцев. Вот уже на протяжении 40 лет водные ресурсы Западного берега, Газы, Голанских высот контролируются израильскими властями. Ирригационные системы, существовавшие до 1967г. В Газе, на палестинских территориях и а Голанских высотах, были разрушены или серьезно повреждены. Водоснабжение оккупированных территорий осуществляется израильской компанией «Мекорот». «Потребление каждого поселенца 1 450 куб. м воды в год, а палестинца - 215 куб. м» [2]. В 1967 году Израиль захватил контроль над всеми водными ресурсами на вновь оккупированных территориях. По сей день он сохраняет исключительный контроль над всеми водными ресурсами на суше между Иорданом и Средиземным морем. Как упоминалось выше, водные ресурсы полностью курирует национальная водная компания «Мекорот». Она осуществляет добычу и доставку воды на всей территории государства, а также ее деятельность распространяется на оккупированные территории. Годовой расход воды на территориях ЗБРИ составляет около 350 млн куб. м воды, из них всего лишь 20 млн куб. м расходуется на нужды палестинского

народа, а остальная часть полностью ориентирована на поселенческий сектор [14]. Примерно в 200 деревнях (31% палестинских населённых пунктов) отсутствует водопровод из-за высоких цен на водоснабжение. Жители этих населённых пунктов пользуются водой, привозимой в цистернах [5]. Хуже всего обстоят дела с десятками общин, которым Израиль запретил подключаться к водопроводной сети, не оставляя им выбора, кроме как закупать воду в частном порядке у танкеров круглый год по высокой цене. Зачастую стоимость для этих общин особенно высока, поскольку вода должна транспортироваться по пересеченной местности, а Израиль не позволяет проложить надлежащие подъездные дороги.

В ходе исследования 2013 г., проведенного Управлением Организации Объединенных Наций по координации гуманитарной деятельности (УКГД), было выявлено 180 таких общин, в которых проживает около 30 000 человек. Их земля полностью или частично расположена в районе «С». Также Израиль запретил палестинцам ЗБРИ строительство резервуаров для накопления дождевой воды. В 2005 году, перед тем как завершить осуществление плана одностороннего размежевания с сектором Газа, израильскими военными была уничтожена почти вся водная инфраструктура региона (водонапорные башни, очистительные сооружения, ирригация) [4]. Сектор Газа находится под израильской блокадой более десяти лет, с июня 2007 г. Израиль не допускает в Газу материалы «двойного назначения», т. е. такие, которые, как он считает, могут быть использованы в гражданских или военных целях. Они включают строительные материалы, такие как цемент и железо, а также другое сырье. Все это необходимо для восстановления инфраструктуры водоснабжения и санитарии Газы, которая была сильно повреждена в результате израильских бомбардировок во время военных действий, особенно операций «Литой свинец» (конец 2008 г.) и «Защитный край» (лето 2014 г.). Предполагаемый ущерб составляет около 34 миллионов долларов. По состоянию на конец 2015 г. более 100 000 палестинцев в Газе по-прежнему были отрезаны от сети общественного водоснабжения.

Прибрежный водоносный горизонт, который Газа использует в качестве своего основного источника воды, был загрязнен перекачкой и сточными водами. В результате 96,2% воды, откачиваемой из водоносного горизонта и поставляемой для бытового использования в Газу, пить небезопасно. По данным палестинского водного управления за 2016 год, в Газу для внутреннего потребления было поставлено 98 миллионов кубометров. Разбивка заключается в следующем: 85,8% воды было откачено из скважин в секторе Газа; 10,1% было закуплено у компании «Мекорот», а остальная часть была обработана на 154 частных опреснительных установках. Израиль продолжает ограничивать водные ресурсы для арабского населения Голанских высот. В отличие от поселенцев арабские фермеры получают в пять раз меньше кубометров воды для своих нужд [13].

В результате палестинцы на Западном берегу живут с постоянной нехваткой воды. Согласно данным палестинского водного управления по Западному берегу, в 2015 году среднее потребление воды для бытовых, коммерческих и промышленных целей (без учета сельского хозяйства и утечек) составило 84,3 литра на человека в день. По нормам Всемирной организации здравоохранения человек должен получать 100 литров воды в день. «В то же время палестинцы получают ее из расчета 60 литров на человека в день, а на долю поселенцев приходится 350 литров» [13].

Развитие поселенческого сектора на данный момент достигает таких масштабов, что в ближайшем будущем возвращение Израиля к границам до 4 июня 1967 г. (линии прекращения огня) будет невозможно. Автор исследования доказывает, что за расширением поселенческой инфраструктуры стоит цель депалестинизации оставшихся территорий Западного берега и распространения своего суверенитета.

Таким образом, политика поселений и само поселенческое движение привели к практически необратимым социальным, политическим процессам как внутри палестинского общества, так и в его взаимодействии с другими странами и народами. Сложность разрешения этих проблем обусловлена

экономической и политической несамостоятельностью власти палестинского народа. На Западном берегу, в том числе в Восточном Иерусалиме, в первом квартале 2019 г. продолжался снос жилых домов, объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры на основании отсутствия разрешений, выдаваемых Израилем, причем темпы этого сноса были выше, чем в предыдущие два года. Помимо тех, кто был перемещен, еще тысячи людей пострадали вследствие разрушения водопроводных сетей и колодцев по всему Западному берегу и трудностей с получением разрешений на строительство систем водоснабжения.

В нынешних реалиях мы видим, что Израиль избрал такой сценарий развития ситуации, как балансирование между миром и войной. Он сохраняет статус-кво в целях создания необратимых реалий в регионе конфликта, которые перечеркнут любую возможность решения конфликта путем создания национального государства для палестинского народа. На оккупированных территориях существует два абсолютно разных законодательства или правовые системы. Они обусловлены национальной принадлежностью человека. Первая система права регулирует жизнедеятельность жителей поселений. Она отличается от правовой сферы граждан Израиля только лишь наличием дополнительных льгот. Вторая система, параллельно существующая на этой территории, – это система мер по дискриминации и изоляции арабского населения оккупированных территорий. Это система фактически лишает палестинский народ права на самоопределение, в том числе многочисленные свободы, гуманитарное и частное права. Главным аспектом данной политики явилась экспроприация, затронувшая как частную собственность, так и земли палестинского народа в целом. Основной, но скрытой целью политики является распространение поселенческого движения с прилегающей к нему инфраструктурой.

Список источников и литературы

1. Документ СБ ООН S/12450 от 12 июля 1979 г. Report of the Security Council Commission established under Resolution No. 446, § 229. [Electronic resource] URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/repertoire/commissions-and-investigative-bodies> (дата обращения: 01.03.2019).
2. Документ СБ ООН S/1997/357 от 5 мая 1997 г. The Israeli–Palestinian Interim Agreement on the West Bank and the Gaza Strip, Annex III –Protocol Concerning Civil Affairs, Schedule 10 — Data Concerning Aquifers, September 1995. [Electronic resource] URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/oslo-ii-annex-i-3> (дата обращения: 06.03.2019).
3. Документ UNCTAD /ECDC/SEU/1 от 28 июня 1994 г. Population and demographic developments in the West Bank and Gaza Strip until 1990. [Electronic resource] URL: <https://unctad.org/en/docs/poecdcseud1.en.pdf> (дата обращения: 01.03.2019).
4. AI MARSAD, the Arab Center for Human Rights in Occupied Golan. UN Universal Periodic Review Submission. Review of the fulfillment by Israel of its human rights obligations and commitments, Majdal Shams. July 21. 2008. P. 3.
5. Amnesty International: Troubled Waters — Palestinians denied fair access to water. Amnesty International, London, October 2009. P.25–36.
6. Forbidden Roads: Israel’s Discriminatory Road Regime in the West Bank. B’Tselem Information Sheet, August 2004. PP. 14.
7. Halper J. Obstacles to Peace. P. 23.
8. Ismail Lubbad. Demographic Profile of Palestinian Migration. Paper Prepared for the Migration and Refugee Movements in the Middle East and North Africa The Forced Migration & Refugee Studies Program. The American University in Cairo, Egypt, October 2007. P.11.
9. ОСНА, Humanitarian Bulletin, January. 2018.
10. Prepared for, and under the guidance of the Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People. United Nations, New York, 1982. P. 41–42.

11. Report of the Special Committee to Investigate Israeli Practices... P. 11.
12. The Humanitarian Impact of the Barrier: Four Years After the Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Barrier. OCHA, July 2011. P. 6.
13. Report of the Special Committee to Investigate Israeli Practices... P. 11.
14. The Humanitarian Impact on Palestinians of Israeli Settlements and other Infrastructure in the West Bank. P. 58, 114. [Electronic resource] URL: <https://www.ochaopt.org/content/humanitarian-impact-palestinians-israeli-settlements-and-other-infrastructure-west-bank> (дата обращения: 29.02.2019).
15. Water for life 2005, Continued Israeli Assault on Palestinian Water, Sanitation and Hygiene during the Intifada. Palestinian Hydrology Group (PHG). Ramallah. 2006. P. 31.
16. West Bank: Closure count and analysis occupied Palestinian territory // OCHA Report. September 2016. P. 1.
17. Zimmerman B., Seid R., Wise M. L. The Million Person Gap: The Arab Population in the West Bank and Gaza. Begin–Sadat Center for Strategic Studies, Bar–Ilan University, Ramat Gan, February 2006. P. 28.

Рустамзаде Камран Ильгар оглы
Аспирант Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: rustamzade1995@mail.ru

Kamran Rustamzade
Postgraduate Student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
E-mail: rustamzade1995@mail.ru

РОЛЬ РОССИИ В РАЗРЕШЕНИИ КУРДСКОГО ВОПРОСА НА ТЕРРИТОРИИ ТУРЦИИ И ИРАКА

THE ROLE OF RUSSIA IN RESOLVING THE KURDISH ISSUE IN TERRITORY OF TURKEY AND IRAQ

Аннотация. Данная статья посвящена одной из самых важных проблем Ближнего Востока, а именно курдскому вопросу. Учитывая тот факт, что данный регион превращается в центр различного рода конфликтов, становится все более актуальным изучение этнонациональных конфликтов в этом регионе, одним из которых является курдский. Данную проблему автор рассматривает с точки зрения международного права, политики Турции и Ирака в отношении курдов, а также определяется роль России в процессе разрешения указанной проблемы.

Annotation. This article discusses one of the pressing problems of the Middle East, named the Kurdish issue. Given the fact that this region is becoming a center of various kinds of conflicts, it is becoming increasingly important to study ethnic and national conflicts in the region, one of which is the Kurdish question. To this end, the author considers this issue from the point of view of international law, the policy of Turkey and Iraq towards the Kurds, as well as the role of Russia in the process of resolving this problem.

Ключевые слова: курдский вопрос, Россия, Турция, Ирак

Keywords: Kurdish question, Russia, Turkey, Iraq

Эволюция курдского вопроса привела к тому, что он вышел на международный уровень. Данная проблема относится к распространённым в современных международных отношениях проблемам, связанным со стремлением этнических групп получить независимость.

Развитие этноконфессиональных конфликтов является острой проблемой не только Ближнего Востока, но и всех других регионов мира. Полиэтничность современного мира вместе с современными межнациональными и межконфессиональными проблемами обусловили необходимость создания определенной правовой базы для поиска их решения. Особенно это стало актуально в период окончательного обретения независимости государствами, подмандатными мировым державам после Второй мировой войны.

Результатом данного процесса стало формирование в международном праве двух основополагающих принципов – принципа самоопределения народов и принципа территориальной целостности государств.

Призванные решить этнические конфликты в период распада колониальной системы, они стали использоваться как козырь в руках конфликтующих сторон в дальнейшей исторической ретроспективе. Особенно ссылки на эти принципы были актуальны после распада СССР, который сопровождался этноконфессиональными конфликтами во всем регионе[7].

Таким образом, курдский вопрос, являясь одной из важных проблем современных международных отношений, может быть разрешен в рамках международного права, а именно путем соблюдения упомянутых принципов. Однако разнонаправленность данных принципов является камнем преткновения на пути мирного разрешения споров вокруг курдской проблемы.

После подписания Лозаннского соглашения, согласно которому курды лишались возможности обретения независимости, других международных

соглашений по данной проблеме подписано не было. Поэтому на данном этапе можно только рассматривать варианты разрешения курдского вопроса на основе уже принятых в международных отношениях правовых норм.

Разрешение спора между принципами права народов на самоопределение и права государств на территориальную целостность является ключом к урегулированию курдской проблемы. Сначала следует определить, какими признаками государства обладают курды и могут ли они в соответствии с этими признаками претендовать на государственность.

Государством называют специальную организацию политической власти, располагающей специальным аппаратом управления обществом для обеспечения его нормальной деятельности[12]. Кроме того, государство является социальной организацией, обладающей конечной властью над всеми людьми, проживающими на определенной территории с целью разрешения общих проблем.

Исходя из этого, можно выделить следующие признаки государства: единство территории, население, аппарат чиновников. Единство территории подразумевает наличие государственных границ, в которых проживает население этого государства. Управление населением осуществляется путем его подчинения государственному аппарату (чиновникам).

Формирование любого государства – результат длительного исторического процесса, который может сопровождаться столкновениями на почве межнациональных конфликтов. Базой для объединения определенной группы в государство является общность языка, культуры, политических и идеологических взглядов. При этом стоит отметить, что не всегда государства формируются по национальному признаку, подтверждением является то, что практически все современные государства многонациональны.

Появление на карте по итогам Первой мировой войны национальных государств, в которых все граждане объединялись в одну идентичность, породило в дальнейшем проблемы в подмандатных великим державам

странах, в том числе и на Ближнем Востоке. Восстания и протесты, которые наблюдались на этих территориях после Второй мировой войны, поставили ребром вопрос предоставления им окончательной независимости. С этой целью в 1960 г. была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, что привело к возникновению 100 новых государств и окончательному развалу колониальной системы. Но Курдского государства среди них не оказалось, в связи с чем возникает вопрос – почему[17].

Курды относятся к персоязычному народу, который проживает на территории Передней Азии. В период нахождения в составе Османской и Персидской Империй курды обладали широкими правами на самоуправление в регионах компактного проживания. Несмотря на сильную внутреннюю мобилизацию, у курдов фактически никогда не было собственного государства, что исторически связано с проблемами внутри курдских элит, различиями в развитии курдских общин на территориях Османской и Персидской Империй. Именно этим объясняется тот факт, что начиная с XIX века курдские восстания заканчивались провалом. Кроме того, после Лозаннского соглашения курды не стали подмандатной территорией, а вошли в состав Турецкой Республики и подмандатных Великобритании и Франции, Ирака и Сирии, соответственно.

Несмотря на это, курды и по сей день продолжают апеллировать к международному праву в вопросе самостоятельного определения собственного будущего. Кроме собственно права народов на самоопределение сторонники создания независимого курдского государства также ссылаются на другие международные документы, такие как Пакт о правах человека 1966 года, Декларация о принципах международного права 1970 года и др.

Их оппоненты в данном споре опираются на другой принцип ООН, а именно территориальной целостности государств. Согласно ему, «...все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их

международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций». Следовательно, говоря о праве курдов на самоопределение, не стоит также забывать и о праве государств, в которых курды проживают, на сохранение своей территориальной целостности[11].

Стоит отметить, что современная международная нормативно-правовая база дает курдам право использовать родной язык в школах, распоряжаться экономическими благами регионов их компактного проживания, вести документацию на курдском языке и использовать его в СМИ[5]. Все эти привилегии в той или иной степени предоставляются курдам в зависимости от государства, в котором они проживают. Наибольшего успеха курды в этом плане достигли в Ираке и Сирии, где у них есть собственные курдские автономии. Однако эти достижения стали результатом децентрализации власти в этих государствах, которая была вызвана вмешательством третьих стран. В Турции и Иране курдам, напротив, удалось добиться только обеспечения своих гражданских потребностей в сохранении языка и культуры. Более того, стоит отметить, что, будучи персоязычным народом, курды в самом Иране не сталкиваются с дискриминацией по национальному признаку.

Говоря об отсутствии единства внутри курдского общества, стоит отметить двойственность их позиций по ряду вопросов. Так, курды, подписывая Вашингтонское соглашение, в рамках которого будут обеспечены их основные права, подтверждали приверженность сохранению территориальной целостности Ирака. Помимо этого, проведение референдума по вопросу независимости Иракского Курдистана вызвало большие споры внутри самого курдского общества, а непризнание результатов данного референдума продемонстрировало то, что мировое сообщество не собирается признавать любое курдское государственное образование на Ближнем Востоке[13].

Показательными являются и результаты муниципальных выборов в Турции. В курдских юго-восточных регионах победила правящая Партия Справедливости и развития, а не популярная Народная демократическая партия.

Все эти факты демонстрируют отсутствие единства внутри курдского движения за независимость. В связи с этим государства региона получают возможность использовать проблему разрозненности курдского общества в своих экономических и политических целях, поддерживая выгодные для себя политические движения курдов. Это также является причиной того, что на сегодняшний день у международного сообщества фактически нет установленной дорожной карты по разрешению курдской проблемы, а сами курды продолжают оставаться одним из механизмов для реализации различных политических идей в регионе[14].

Таким образом, с точки зрения международного права, курдский вопрос, как и проблема признания государственности других этнических групп, вызывает большие споры. Они связаны с коллизией двух основополагающих принципов международного права – права народов на самоопределение и права государств на территориальную целостность.

Сторонники создания курдского государства ссылаются на первый принцип, аргументируя свою позицию тем, что у курдов есть определенные границы проживания, общая культура и язык.

Противники же данной идеи ставят в приоритет территориальную целостность государств, в которых проживают курды, считая, что данная проблема должна решаться только с учетом интересов этих государств.

Отметим, что согласно международным принципам, курды имеют право на сохранение собственной идентичности, что выражается в праве использования родного языка и вещания СМИ на курдском языке.

Также стоит упомянуть, что принцип права государств на самоопределение стал результатом определенных исторических обстоятельств, связанных со стремлением колоний получить независимость.

Курды к этому моменту добровольно вошли в состав Турецкой Республики, Ирана, Сирии и Ирака. И после обретения последними независимости вопрос суверенитета курдов стал прерогативой именно этих государств. Поддержка курдами государств, вмешивавшихся в регион, только усиливало нежелание государственных центров наделять курдские регионы особым статусом, что приводило к военным столкновениям.

Кроме того, несмотря на этническую общность, внутри курдов нет единой гражданской идентичности. Курдское общество сильно разобщено, существуют проблемы элит, которые теряют популярность. Любая попытка курдов поднять вопрос независимости сопровождается риском экономической и политической изоляции данной территории. А неразвитость управленческого аппарата приводит к массовым волнениям внутри самого курдского общества и падению популярности прокурдских партий в тех или иных государствах.

В этих условиях единственным путем для создания курдского государства является силовой. Это подтверждают и исторические примеры, т.к. именно в состоянии военного кризиса в Сирии и Ираке курдам удалось добиться максимальных свобод в самоуправлении. Однако данный путь чреват развитием новых конфликтов на Ближнем Востоке, что не соответствует интересам ведущих государств как региона, так и мира.

Курдские общественные организации в России

Эпоха глобализации, будучи одним из ведущих трендов современных международных отношений, оказывает особое влияние на курдскую проблему. Одним из признаков глобализации является миграция, вызванная, с одной стороны, открытыми границами государств, а с другой – стремлением людей к поискам более благоприятных условий жизни.

Оказавшись в новых условиях, мигранты стремятся воссоздать привычные им социокультурные условия для сохранения связей со своей исторической родиной, что приводит к объединению мигрантов в диаспоры.

Диаспорой называют устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущую в полиэтническом окружении за пределами своей исторической родины и имеющую институты для своего развития и функционирования[9].

Диаспоры, реализовывая свои культурные, социальные и экономические потребности, оказывают большое влияние не только на внутреннюю политику страны пребывания, но и на внешнюю политику своей исторической родины. Это превращает сами диаспоры в важный элемент международных отношений. А крупные диаспоры, обладающие сильным лобби в той или иной стране, могут продвигать интересы своей родины в стране пребывания. Этот и другие факторы создают необходимость государственного регулирования деятельности диаспор с целью того, чтобы они не превращались в закрытые организации, подрывающие этническую и конфессиональную гармонию внутри страны. В данном параграфе рассматривается политика России в отношении национальных меньшинств: как российские курды в рамках данной политики ведут свою деятельность и как эта деятельность влияет на отношение России к курдской проблеме.

Национально-культурная автономия – это вид общественного объединения. Ее организационно-правовой формой является общественная организация. В отличие от понятия «диаспора», национально-культурная автономия объединяет под своим крылом активную часть населения той или иной национальности. Но эти определения взаимосвязаны, так как создание национально-культурных автономий – прямое следствие роста численности диаспоры в результате миграционных процессов.

Первый закон, разрешавший представителям разных национальностей объединяться в национально-культурные объединения, был принят уже в 1990 г. Это был закон «Об организациях по национальному признаку».

В 1996 г. была принята первая концепция государственной национальной политики. Первая глава данной концепции была посвящена национально-культурному самоопределению народов России, одной из форм

которых должна была стать именно национально-культурная автономия. В концепции также говорится, что «национально-культурная автономия является важным средством выявления и удовлетворения этнокультурных запросов граждан, достижения межнациональной стабильности, предупреждения конфликтов на межнациональной почве. Будучи экстерриториальным общественным формированием, национально-культурная автономия, не ущемляя прав субъектов Российской Федерации, закрепленных за ними Конституцией Российской Федерации, расширяет их возможности и ответственность в осуществлении государственной национальной политики»[6].

Формирование курдских национальных организаций в России имеет исторические, экономические и политические причины. Исторические причины связаны с тем, что курды в результате российской политики на Ближнем Востоке расселялись на национальных окраинах Российской Империи, изменив тем самым национальный и социальный состав окраин Империи. В результате этого крупные курдские диаспоры были образованы на юге современной России, а также на территории Азербайджана, Армении, Грузии. В результате переселенческой политики в советское время часть курдов оказалась на территории Центральной Азии, особенно в Туркменистане.

Экономический и политический кризис, возникший в этих странах после распада Советского Союза, привел к тяжелым социальным потрясениям на постсоветском пространстве. Одним из признаков этого является массовый отток населения этих стран в основном на территорию России. Курды Закавказья, представленные в большинстве своем этнической группой езидов, переезжали в Южный (Краснодарский край, Адыгея) и Центральный (Москва, Московская область) регионы России[1]. Рост национального самосознания, свойственный для того периода, ставил все национальные диаспоры перед необходимостью объединения для сохранения культуры и традиций, а также реализации их основных потребностей. С

учетом того, что в России для подобного объединения была создана необходимая нормативно-правовая база, образование диаспорами организаций в формате национально-культурных автономий стало основным трендом межнациональных отношений в России 90-ых гг. XX века [10].

Первая курдская организация в России, Центр курдской культуры, была открыта в Москве в 1989 г. В 1994 г. в Москве была зарегистрирована Курдская национальная община Москвы. В том же году был учрежден Международный союз курдских общественных организаций (МСКОО). Устав данной организации гласил: «После распада СССР курды, проживающие в Закавказье и Средней Азии, по многим причинам, в основном социально-экономического и политического характера, вынуждены были в массовом порядке переселяться в Российскую Федерацию. В настоящее время они проживают в Москве, Краснодарском крае, Саратовской, Ярославской, Тамбовской, Нижегородской, Новосибирской, Челябинской и некоторых других областях. Возникла острая необходимость взаимоотношений курдских общин, для этого и был создан МСКОО»[3].

Закон о национально-культурных автономиях, принятый Государственной Думой Российской Федерации в 1998 г., позволил курдам в том же году создать «Национально-культурную автономию курдов города Москвы». По этому же принципу национальные курдские объединения были открыты в дальнейшем в Краснодаре, Саратове, Новосибирске, Тамбове, Курске. Это привело к тому, что в 2000 г. на межрегиональном съезде представителей курдских общин было решено учредить Федеральную национально-культурную автономию курдов Российской Федерации.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, национально-культурные организации не могут заниматься политической деятельностью[2]. Исходя из этого, основной целью всех курдских организаций в России является сохранение и развитие национальной культуры, изучение языка и истории, сохранение национальных обычаев и

защита прав и интересов представителей курдской диаспоры. Механизмом реализации поставленных целей является проведение культурно-массовых и образовательных мероприятий. Так, при курдской диаспоре функционирует национальный театр и ансамбль.

Кроме того, курдские организации активно используют свою деятельность для создания позитивного облика курдов в российском обществе, а также продвижения идеи обретения курдами независимости на территориях их компактного проживания в Турции, Иране, Ираке и Сирии. Важным составляющим в этом направлении является развитие национальных СМИ. На сегодняшний день в России функционирует одна газета на курдском и русском языках («Свободный Курдистан»). Активно работают интернет-издания. Кроме сайтов курдских организаций, на русском языке работают информационные порталы www.Kurdistan.ru, www.Kurdist.ru, www.Ezdixane.ru, www.KurdishCenter.ru и пр.[17]

На сегодняшний день самой активной курдской организацией России является Национально-культурная автономия курдов России. Она объединяет все курдские организации из российских регионов, входит в МСКОО. Председатель организации, Фархат Патиев, является членом Совета по национальной политике при Президенте Российской Федерации. Это позволяет курдам продвигать собственные проекты и инициативы при выстраивании межнациональных отношений в России и разработке государственных стратегий по национальной политике.

Несмотря на то, что общественные организации в России не являются политическими, многие курдские организации активно взаимодействуют с курдскими политическими партиями. Это связано с тем, что в России также проживают курды, переехавшие из Турции, Ирака, Сирии и в меньшей степени из Ирана. Активно работу здесь вели сторонники РПК, ДПК и ПСК. Однако российская национальная политика, в которой большое внимание уделяется именно проблемам, связанным с жизнью курдов в России, а не с продвижением национально-освободительных идей, ограничивает

деятельность данных партий по консолидации российских курдов. Несмотря на это, в официальных СМИ и на сайтах курдских общин можно увидеть статьи с призывами к разрешению курдского вопроса и предоставлению им независимости[3].

Например, в 2015 г. на сайте Национально-культурной автономии курдов России было опубликовано поздравление лидерам Демократической партии народов Турции в связи с их успехом на прошедших там выборах. В поздравлении упоминалось, что российские курды надеются на то, что эта победа позволит курдам добиться признания их автономии на территории Турции.

Кроме того, представители курдской организации активно участвовали в информационной кампании по освобождению лидера РПК М. Оджалана из турецкой тюрьмы. В регионах России курдами устраивались голодовки, которые сопровождались призывом к освобождению Оджалана и удовлетворению в Турции политических требований курдов.

Особенности курдского общества являются причиной многих проблем деятельности курдских организаций в России. Самые насущные – это проблемы финансирования, недостаточная вовлеченность курдской диаспоры в деятельность курдских общественных организаций в России. Кроме того, важной проблемой является разобщенность курдских организаций. Она вызвана разнообразием курдского общества, которое представлено не только курдами из Турции, Ирака, Сирии и Ирана, но и курдами-езидами, переехавшими в Россию из Закавказья. Изменение социального и экономического положения курдов в России корректировало их деятельность, оказывая влияние на основные направления работы курдских общественных организаций в России.

Таким образом, нормативно-правовая база Российской Федерации позволяет национальным диаспорам создавать свои организации для сохранения национальных обычаев, традиций и языков. Не являются исключением и российские курды. В период 1990 гг. курды, используя

возможности, созданные государством, начали создавать свои организации в регионах России. Этот процесс привел к образованию Национально-культурной автономии курдов России и Международного союза курдских общественных организаций. Их деятельность позволяет консолидировать деятельность курдских организаций не только в России, но и во всем мире.

Деятельность курдских организаций в России направлена как на реализацию культурных и образовательных проектов, так и на продвижение политических целей. Особенно это заметно по риторике русскоязычных курдских СМИ, в которых активно используются призывы к соблюдению их гражданских и политических прав на территории Турции, освобождению политических заключенных. Эти требования также активно используются и лидерами курдских общественных организаций в России, которые присоединяются к протестам и голодовкам курдов в Турции, Ираке и Сирии.

Несмотря на то, что курдам России удается удовлетворять свои потребности в сохранении идентичности, обычаев, традиций и языка, у курдской диаспоры в стране существуют проблемы, присущие всем национально-культурным организациям страны. К ним можно отнести недостаточное финансирование, пассивность диаспоры, разобщенность элит. Так или иначе, курдские общественные организации России играют активную роль в реализации национальной политики страны, взаимодействуют с органами власти страны и продвигают интересы диаспоры как внутри России, так и на международной арене.

Взаимодействие России со всеми сторонами курдского вопроса в деле его разрешения

Политика России на Ближнем Востоке, ее успехи в деле урегулирования гражданского конфликта в Сирии и борьбе на этой территории с террористическими формированиями усилили влияние Москвы на процессы, происходящие в регионе. Не является исключением и курдская проблема.

Учитывая тот факт, что США объявили о выводе войск с территории Сирии, а Турция, будучи союзником России, будет стремиться занять северные регионы Сирии, освобожденные американцами, именно позиция России по курдской проблеме будет играть решающую роль. Следовательно, становится актуальным вопрос о том, как развиваются отношения России со всеми сторонами в рамках курдского вопроса, чтобы понять, какие могут быть выработаны пути для дальнейшего его разрешения.

Говоря о позиции России в данном вопросе, стоит учесть тот факт, что стратегия Москвы на Ближнем Востоке ориентирована на то, чтобы обезопасить собственные границы от террористических формирований, способствовать формированию в регионе стабильной и независимой структуры руководства. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Россия придерживается позиции признания территориальной целостности стран региона, а также видит искоренение терроризма важнейшей составляющей для создания новой системы безопасности на Ближнем Востоке.

Кроме того, усиление влияния России в регионе имеет важное экономическое значение. Активное сотрудничество России и Турции привело к подписанию взаимовыгодных контрактов в энергетической и военной сферах. К ним относятся строительство атомной электростанции Аккую, строительство «Турецкого потока», покупка Турцией российского вооружения[16, с.18]. Это и многое другое позволяет говорить о том, что Турция развернула свой внешнеполитический курс на восток, ставя национальные интересы выше интересов своих западных партнеров.

Ирак на современном этапе переживает процесс восстановления от политического и социально-экономического кризиса, вызванного вторжением в страну американских войск в 2003 г. Эта ситуация сопряжена с множеством сложностей, связанными с процессом объединения иракского общества, которое долгое время было разобщено. Это касается и курдов, которые имеют статус автономии на севере страны. Решение данной проблемы важно для иракского руководства в первую очередь с

экономической точки зрения, так как там сосредоточены основные нефтяные ресурсы страны [8]. Борьба с ИГИЛ также является важной составляющей иракской политики на современном этапе. И в этом плане взор иракского руководства направлен в сторону России. Сразу после победы на выборах 2018 г. победившая коалиция левых партий Ирака подтвердила стремление сотрудничать с Россией в военно-технической и энергетической сферах. В Ираке высоко оценили поддержку со стороны России в борьбе с ИГИЛ.

Россия и Ирак наработали определенную базу двустороннего взаимодействия и в целом достигают взаимопонимания в международных делах. Новое руководство Ирака будет стремиться к сохранению нынешнего уровня контактов Москвы и Багдада и даже двигаться по пути их поступательного развития. Российские энергетические компании, такие как «Газпром нефть» и «ЛУКОЙЛ», продолжают работать на крупных иракских месторождениях (что оценивается положительно многими внутрииракскими игроками).

«Роснефть» распространила информацию о том, что ее дочернее предприятие «Bashneft International B.V.» открыло новое месторождение «Салман» на юго-западе Ирака. Объемы запасов не раскрываются, но компания «рассматривает данное открытие в качестве важной вехи в развитии проектов по разведке и добыче за рубежом»[8].

Иракское и российское правительства продолжают активное сотрудничество по дипломатическим каналам. Постоянные контакты на уровне министров иностранных дел и других высокопоставленных лиц подтверждают заинтересованность обеих сторон в развитии партнерских отношений. Продолжает свою работу информационный центр, созданный Россией, Ираном, Ираком и Сирией с целью координации действий стран в борьбе с террористами.

В целом стоит отметить, что новое руководство Ирака в своей внешнеполитической стратегии действует по принципу соблюдения национальных интересов. Сотрудничество с Россией, которая, в отличие от

США, не использовала курдов для достижения целей в регионе, соответствует обеспечению этих интересов. Более того, контакты России с иракскими курдами могут быть использованы иракским правительством для достижения цели объединения иракского народа, независимо от национальной и конфессиональной принадлежности. Этому также способствует тот факт, что российские компании имеют серьезное влияние на курдские регионы, а также то, что, после непризнания референдума 2017 г. и провалов иракских курдов в борьбе с ИГ, внутри самого курдского общества наметился раскол, который сопровождается массовыми народными протестами. Эти факторы ослабили положение курдов на севере Ирака. Теперь они фактически оказались перед риском потери автономии, так как под контроль центрального правительства Ирака перешли жизненно важные структуры на севере страны, а также города, находившиеся под властью ПСК.

В сложившейся ситуации, когда иракскому правительству удастся консолидировать население страны вокруг идеи борьбы с коррупцией и выхода из экономического кризиса, курдам ничего не остается, как надеяться на Россию в деле сохранения своих экономических и политических преимуществ на севере страны.

На сегодняшний день Ирак остается федерацией, в которой автономные права выделены для Иракского Курдистана. Однако усиление центральной власти, выстраивание новой вертикали власти, грамотная внешняя политика, распри внутри курдского общества - все это позволяет сделать вывод, что правительству Ирака удастся вернуть под свой контроль курдские районы страны.

Для Турции курдский вопрос актуален не только в контексте внутривосточной обстановки, но и с точки зрения внешней политики страны. Усиление курдского движения на севере Сирии представляет угрозу для Турции, так как может привести к осложнению политической обстановки на юге страны. Именно поэтому Турция заинтересована в борьбе с

установлением автономного курдского формирования на территории САР. Не заинтересована в этом и сама Сирия. Однако сирийское руководство расценивает военные операции Турции в регионе как незаконное вмешательство во внутреннюю политику страны.

Важным подспорьем для сирийского урегулирования является Астанинский процесс, в рамках которого Россия, Турция и Иран сотрудничают в регионе. Данный процесс позволил странам совместными усилиями добиться значительных успехов в борьбе с террористическими формированиями, установить зоны деэскалации конфликта, выстроить гуманитарные коридоры и начать переговоры по восстановлению Сирии после гражданской войны.

Одной из важных проблем, мешающих дальнейшему развитию Астанинского процесса, остается проблема автономии на севере Сирии. Турция для борьбы с курдскими организациями, объявившими о создании автономии, провела две военные операции – «Щит Евфрата» и «Оливковая ветвь». Предварительно Анкара информировала Россию и США о проведении этих операций, а в рамках операции «Щит Евфрата» Турция получила воздушную поддержку со стороны российских ВКС.

Несмотря на это, сирийские курды остаются главным спорным моментом в вопросе дальнейшего урегулирования конфликта. Турция настаивает на признании курдских отрядов самообороны, а также РПК в качестве террористических. Россия, напротив, не признает эти организации террористическими и с настороженностью относится к планам Турции по проведению новых военных операций на севере Сирии.

Ориентируясь на борьбу с террористическими организациями, Россия развивает сотрудничество со всеми игроками Ближнего Востока, в том числе и с курдами. Россия поддерживала иракских курдов в их борьбе с ИГ, которые, в свою очередь, оказывали военную поддержку сирийским курдам. Кроме того, Россия и по сей день продолжает вести переговоры с различными курдскими общественными и политическими организациями

региона. Это говорит о том, что курды, несмотря на утрату своих позиций, остаются важной силой в регионе, а также тем рычагом, благодаря которому Россия может оказывать давление на страны региона, в первую очередь на Турцию.

Таким образом, политика России на Ближнем Востоке направлена на выстраивание новой региональной системы безопасности. Успехи Москвы в борьбе с террористическими организациями в Сирии, избранная Москвой стратегия по обеспечению территориальной целостности стран региона заставили Ирак и Турцию обратить внимание на политику России.

Взаимодействие России и Ирака способствует восстановлению страны после продолжительного кризиса. На двусторонних отношениях положительно сказалось формирование нового правительства в Ираке, лидеры которого нацелены на развитие контактов с Россией. Российские нефтяные компании на севере страны позволят Ираку разработать нефтяные месторождения на севере страны; контракты в военной сфере положительно сказываются на обеспечении безопасности Ирака. Усиление влияния центральной власти на курдские регионы севера страны позволяют ей объединить страны вокруг идеи восстановления единого Иракского государства, а тесные контакты России с иракскими курдами открывают возможности для переговорного процесса между руководством Ирака и курдскими окраинами, создания новых условий разрешения курдского вопроса в Ираке.

Курдский вопрос на севере Сирии продолжает оставаться дискуссионным в двусторонних отношениях России и Турции. Россия отказывается признавать террористическими курдские отряды в Сирии, с которыми Турция ведет активную борьбу. Это создает преграды в развитии успехов, достигнутых обеими странами, в рамках Астанинского процесса. Несмотря на это, упрочнение экономических и военных контактов России и Турции, а также выстраивание обеими внешней политики с точки зрения собственных национальных интересов позволяют рассчитывать на то, что

переговоры России и Турции по данному вопросу продолжатся и странам удастся прийти к общему знаменателю в курдском вопросе.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что курдский вопрос для России является одной из наиболее актуальных проблем Ближнего Востока. Россия стремится усилить свое экономическое и политическое влияние в регионе, и в этом деле важно учитывать, в том числе, и курдский вопрос. В целом, анализируя действия России в регионе, можно сказать, что Москва при проведении своей политики основывается на уважении территориальной целостности стран региона, стремясь при этом обеспечить соблюдение гражданских прав и свобод курдов.

Список источников и литературы

1. Белозеров В.С., Панин А.Н., Черкасов А.А. Миграция и расселение в России титульных этносов стран Южного Кавказа. 2015.
2. Большая юридическая энциклопедия. М., 2010. 323 с.
3. В России курдские активисты присоединились к голодовке в поддержку Оджалана. РИА-новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20181216/1548065122.html> (дата обращения: 2.05.2019).
4. Дасни Ю.Р. Курдская диаспора России: прошлое и настоящее [Электронный ресурс] URL: http://www.kurdist.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=502&Itemid=1 (дата обращения: 25.04.2019).
5. Звягельская И.Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке. Контуры глобальных трансформаций. // Политика, экономика, право. 2017. Т. 10. №2. С. 97-110.
6. Концепция государственной национальной политики от 15.06.1996 г. [Электронный ресурс] Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/> (дата обращения 20.04.2019).

7. Мосаки Н.З. Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России. М., 2011.
8. После «Халифата»: перспективы российско-иракских отношений. Рабочая тетрадь РСМД. №46. 2018.22 с.
9. Рыбаковский Л.Л. Демографический понятийный словарь. М.,2003.
- 10.Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального познания. М., 2013.
- 11.Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 20.04.2019).
- 12.Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов. М., 2010.
- 13.Что означает референдум о независимости Иракского Курдистана?. Московский Центр Карнеги. [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71408> (дата обращения 26.04.2019).
- 14.Щегловин Ю.Б. Кто выиграл от кризиса с референдумом о независимости Иракского Курдистана. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iimes.ru/?p=38662> (дата обращения 30.04.2019).
- 15.Gareth Winrow, “Turkey and Russia: The Importance of Energy Ties”, Insight Turkey, Vol. 19, No. 1 (2017), p. 18.
- 16.Koskeniemi M. The Politics of International law - 20 years later European J. of Intern. law. – Oxford, 2009. - vol. 20, n 1.P. 7-19.
- 17.www.Kurdistan.ru, www.Kurdist.ru, www.Ezdixane.ru, www.KurdishCenter.ru
- 18.Шангараев Р.Н. Стратегия Анкары по турецко-курдскому урегулированию на современном этапе // Дипломатическая служба. 2018. № 2. С. 44-52.
- 19.Шангараев Р.Н. Курдский вопрос во внешней политике Турции на Ближнем Востоке // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 127-135.

Абрамов Давид Сергеевич
Магистрант Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: abramo-david@yandex.ru

David Sergeevich Abramov
Master's Degree Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation
E-mail: abramo-david@yandex.ru

**ГОЛАНСКИЕ ВЫСОТЫ - ЗОНА НЕСТАБИЛЬНОСТИ НА БЛИЖНЕМ
ВОСТОКЕ**
GOLAN HEIGHTS – MIDDLE EAST INSTABILITY ZONE

Аннотация. Голанские высоты являются спорной территорией на Ближнем Востоке. Большая часть находится под контролем Израиля, а восточная часть – Сирийской Арабской Республики. Оба государства считают Голанские высоты своей территорией. Согласно резолюции Совета Безопасности ООН 242 от 22 ноября 1967 года, Голаны являются сирийской территорией, оккупированной Израилем. После принятия резолюции Совбеза ООН 350 от 31 мая 1974 года, были созданы Силы Организации Объединенных Наций по наблюдению за разъединением (СОООНР).

Annotation. The Golan Heights is a disputed territory in the Middle East. Most of the territory of the heights is under control of Israel and the eastern part under control of the Syrian Arab Republic. Two states recognize the Golan Heights as their territory. In accordance with a Security Council resolution 242 on 22 November 1967, the Golan Heights occupied by Israel is the Syrian territory. Following the adoption by the Security Council of resolution 350 on 31 May 1974, the UN created the United Nations Disengagement Observer Force (UNDOF).

Ключевые слова: Голанские высоты, Ближний Восток, Израиль, Сирия, ООН.

Keywords: Golan Heights, Middle East, Israel, Syria, UN.

С 1946 года Голанские высоты, которые представляют собой горное плато вулканического происхождения площадью 1,8 тыс. кв. км, расположенное на юге Сирии и севере Израиля, являлись частью сирийской провинции Кунейтра. В 1967 году во время Шестидневной войны Израиль захватил более двух третей территории Голанских высот. В том же году в ноябре Совет Безопасности ООН принял резолюцию 242, призывающую к «выводу израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта» [8]. Этот документ до сих пор признается ООН ведущим в урегулировании арабо-израильского конфликта.

Во время Войны Судного дня в 1973 г. на Голанских высотах возобновились боевые действия, и 31 мая 1974 г. по инициативе США Сирия и Израиль подписали соглашение о разъединении, по которому территория, оккупированная Израилем, была преобразована в демилитаризованную зону под контролем ООН. В день подписания Совет Безопасности ООН принял резолюцию 350, в соответствии с которой были учреждены Силы Организации Объединенных Наций по наблюдению за разъединением (СОООНР) [9].

В декабре 1981 года парламент Израиля (Кнессет) принял Закон о Голанских высотах, где в одностороннем порядке был провозглашен суверенитет Израиля над захваченной территорией. 17 декабря 1981 года Совбез ООН принял резолюцию 497, в которой говорится, что действия Израиля являются недействительными и не имеют никакой юридической силы [10].

В настоящее время Голанские высоты разделены на три части: территорию, подконтрольную сирийским властям, земли, оккупированные Израилем, и район размещения сил ООН по наблюдению за разъединением. По обеим сторонам от зоны разъединения находятся районы ограничения, в которых Израиль и Сирия должны придерживаться установленного лимита в численности вооруженных сил и вооружений. Население сирийцев на Голанских высотах до захвата территории Израилем составляло около 116

тыс. человек, тогда как уже после Шестидневной войны там осталось лишь около 6,5 тыс. сирийских граждан, в основном друзы.

Буферная зона - нейтральная демилитаризованная полоса между израильской и сирийской границей, контролируемая силами ООН, - простирается более чем на 75 км с севера на юг и от 200 м до 10 км с запада на восток. Граница зоны у Голанских высот, где находятся израильские силы, именуется линией А («Альфа»), а сирийская граница – линией Б («Браво»). Местность холмистая, на севере – гора Хермон, на которой на самой большой высоте – 2814 м – расположен постоянно действующий опорный пункт ООН [2].

По данным на 2015 год (последние сведения), на Голанских высотах, контролируемых Израилем, население друзов возросло до 23 тыс. человек за счет естественного прироста и поощрения израильским правительством воссоединения друзов Сирии с их семьями на этой территории. Но только 9 тыс. человек из 23 тыс. приняли израильское гражданство, так как друзы, родившиеся после 1990 года, получают его автоматически [3]. Друзы проживают в 4 поселениях: Мадждал-аш-Шамс, Масада, Буката, Эйн-Кинья [12]. Кроме того, с 1967 года Израиль построил на Голанских высотах 33 поселения. Административным центром части Голан, контролируемой Израилем, является город Кацрин.

Сирийский административный центр Голан - город Эль-Кунейтра - был разрушен в ходе войны 1973 года (с 1974 года находится в буферной зоне). До настоящего времени город и его окрестности остаются практически необитаемыми из-за повышенной минной опасности.

Голанские высоты играют ключевую роль не только в военной, но и в социально-экономической сфере региона, обладая хорошо развитой гидрогеографической сетью³. Многочисленные реки и ручьи, образующиеся там при выпадении осадков, стекают в реку Иордан и Тивериадское озеро,

³ Голаны покрыты обширной сетью речек и ручьев. В основном они берут воду из атмосферных осадков, подпитывая собой главные пресноводные источники Израиля – озеро Кинерет и реку Иордан. Примерно 25% питьевой воды страна получает от гидрографической сети Голанских высот.

которое является для Израиля важным источником питьевой воды и необходимым сырьем для агропромышленного комплекса (по некоторым оценкам, до трети потребляемой Израилем воды). Также на Голанских высотах находятся многочисленные заповедники, плодородная почва для ведения сельского хозяйства (выращивания яблок, ягод, винограда и др.). Кроме того, в 2015 году на этой территории было открыто нефтяное месторождение с потенциальным объемом свыше 1 млрд баррелей [4].

Несомненно, особую поддержку Израилю оказывают Соединенные Штаты Америки. Во время ожесточенных боевых столкновений в ходе арабо-израильского конфликта США оказывали военную помощь техникой и специалистами. Кроме того, США и Израиль имеют общие интересы на Ближнем Востоке.

25 марта в Белом Доме президент США Дональд Трамп подписал решение о признании оккупированных Голанских высот государственной территорией Израиля в присутствии израильского премьер-министра Беньямина Нетаньяху, находившегося в Вашингтоне с официальным визитом.

Назвав это решение «историческим шагом», Трамп объявил об этом намерении ещё 21 марта. Он заявил, что этот поступок имеет важное стратегическое значение для безопасности Израиля. 24 марта и.о. министра иностранных дел Израиля Исраэль Кац заявил, что 25 марта Трамп подпишет указ о признании суверенитета Израиля над Голанскими высотами, которые, согласно всем международным соглашениям и резолюциям Совета Безопасности ООН, считаются территорией Сирии. Так оно и произошло. В репортаже Reuters говорилось, что одной из целей рабочего визита Нетаньяху в США является демонстрация поддержки администрацией Трампа «своего кандидата» на предстоящих 9 апреля парламентских выборах в Израиле [13]. В ходе своего визита Нетаньяху назвал Трампа «лучшим другом Израиля», тогда как большинство лидеров государств и

международных организаций заявили о несогласии с позицией Трампа по Голанским высотам.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш сообщил, что данные действия США в поддержку Израиля не соответствуют принципам международного права и статус Голанских высот не изменился.

Кроме того, Гуттериш упомянул ситуацию с Голанскими высотами, выступая на открытии 30-го саммита Лиги Арабских Государств в Тунисе. Он отметил, что любое решение сирийского конфликта должно гарантировать территориальную целостность, включая Голаны [1].

МИД Сирии осудил заявление Трампа, назвав его безответственным. По мнению ведомства, такие высказывания «подтверждают слепую приверженность США Израилю и поддержку его агрессивного поведения» и считаются «нападением на суверенитет и территориальную целостность Сирии».

Российская Федерация поддерживает сирийскую позицию. На своей официальной странице МИД опубликовал сообщение, в котором говорится, что, в соответствии с резолюцией СБ ООН 497 от 17 декабря 1981 года, Голанские высоты являются сирийскими. Согласно этому документу, действия Израиля по установлению своей юрисдикции на указанной территории Сирии не имеют международной юридической силы [6].

Перед тем как президент США Трамп заявил о своей поддержке Израиля, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров обсудил это с государственным секретарем США Майком Помпео по телефону. Лавров сообщил, что данное решение будет препятствовать урегулированию конфликта в Сирии и усугубит ситуацию на Ближнем Востоке [14].

С такой же позицией выступил глава Службы внешней разведки Российской Федерации Сергей Нарышкин на Московской конференции по международной безопасности: «Решение США о признании Иерусалима столицей Израиля и Голанских высот территорией Еврейского государства вопреки резолюции ООН, а также односторонний выход Вашингтона из

соглашения по иранской ядерной программе подрывает коллективные усилия по стабилизации ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. Более того, под угрозой оказывается сам принцип урегулирования кризисов путем многосторонних переговоров» [7].

Европейский союз придерживается позиции России. Пресс-секретарь верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Майя Косьянчич отметила, что, в соответствии с международным правом, ЕС не признает Голанские высоты территорией Израиля.

В Иране также осудили заявление президента США. В заявлении Министерства иностранных дел Ирана говорится, что необдуманные действия Трампа могут привести к череде кризиса на Ближнем Востоке.

Возможно, именно в этом и состоит новый план США в отношении не только Ближнего Востока, но и всего мира в целом. Стало очевидным, что тактическая цель и Трампа, и Израиля на данном этапе – это развязывание ещё одной «прокси-войны» в Сирии, где до сих пор продолжают вооружать незаконные вооружённые отряды Сирийской демократической армии. Курды, входящие в эти группировки, уже шантажируют и угрожают законному правительству в Дамаске и требуют «признания курдской автономии».

Примечательно, что 16 июня правительство Израиля на выездном заседании на Голанах для еврейского поселения одобрило название «Высоты Трампа» в честь президента США [11]. Жители-друзы административного центра Мадждал-аш-Шамс на Голанских высотах в июле проводили массовую акцию в знак протеста против решения израильских оккупационных властей создать поселение в честь президента США Дональда Трампа. Как сообщил агентству SANA шейх Сулейман аль-Макат из местной общины друзов, начавшаяся всеобщая забастовка охватила все районы Голан. «Мы, сирийские арабы, выступаем против новых экспансионистских планов, объявленных премьер-министром Биньямином

Нетаньяху», – сказал шейх [11]. По его словам, участники акции направятся во второй половине дня к линии разделения сирийских и израильских войск, чтобы провести совместный митинг с жителями города Эль-Кунейтра, находящегося на освобожденной части Голанских высот.

Такие действия со стороны Израиля могут стать серьезным дестабилизирующим фактором на Ближнем Востоке, но, скорее всего, не определяющим, т.к. Сирия продолжает вести ожесточенные бои с ИГИЛ, а также происходит вмешательство вооруженных сил США и Турции во внутренние дела Сирийской Арабской Республики.

США также параллельно дестабилизируют политическую обстановку в Ливане. Их основная задача - устроить народную революцию с целью раздавить и физически уничтожить шиитскую общину в этой стране. Находясь с официальным визитом в Бейруте 22 марта, госсекретарь США Майк Помпео призывал официальные власти Ливана противодействовать терроризму в лице «Хезболлы», одержавшая победу на парламентских выборах в 2018 году. В ходе переговоров с ливанским президентом Мишелем Наимом Анумом Помпео заявил, что Хезболла хочет построить исламское государство по образцу Ирана. По информации международной телекомпании «Аль-Джазира», госсекретарь США отметил, что политическая партия шиитов оказывает дестабилизирующий эффект на Ливан и на весь регион в целом [5].

Учитывая данную ситуацию на геополитической арене, если Хезболла начнет наращивать свои позиции на внутренней политической арене Ливана и Иран будет находиться долго в экономической блокаде под давлением США, то Голанские высоты будут ключевым плацдармом для переброски военных сил США и Израиля в данное государства.

Политическая ситуация, связанная с решением Трампа о признании Голанских высот территорией Израиля, может привести к следующим сценариям на Ближнем Востоке:

1) Оптимистический сценарий. Решение США считать Голанские высоты территорией Израиля никто не будет признавать. Большинство государств придерживается резолюции СБ ООН 497 от 1981 года, в которой прописано, что Голанские высоты являются территорией Сирийской Арабской Республики, оккупированной Израилем в 1967 году, а решение Кнессета по данной территории не обладает юридической силой. Голанские высоты будут оставаться демилитаризованной зоной под контролем миротворческих сил ООН. С 1974 года на Голанах действуют силы ООН по наблюдению за разъединением (СООННР), заменив орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия в Палестине. Базирование «голубых касок» позволяет не допустить новый военный конфликт на Голанских высотах.

2) Пессимистический сценарий. Замороженный конфликт может перерасти в боевое столкновение. Голанские высоты считаются ключевой позицией для Израиля с военной точки зрения. Именно с Голанских высот вооруженные силы Израиля (ЦАХАЛ) способны перебрасывать войска в случае эскалации конфликта с Ливаном и Сирией. На данный момент военно-воздушные силы Израиля наносят бомбардировки не только по территориям, контролируемым ИГИЛ, но и по военным объектам правительственных войск Сирии.

3) Реалистический сценарий. Израиль будет контролировать Голанские высоты, несмотря на недовольство мирового сообщества. Дональд Трамп принял решение по Голанам в тот момент, когда арабские страны ослабли на политической арене Ближнего Востока. Основная проблема проявляется в разветвлении ислама на суннизм и шиизм в арабских государствах.

В итоге, США признали Голанские высоты территорией Израиля, но их юридический статус не изменился, так как ООН, ЕС, Россия и страны Ближнего Востока считают Голаны территорией Сирии. Несмотря на то, что на Голанских высотах сформирована буферная зона, Израиль продолжает

наносить авиаудары по Сирии. Организации Объединенных Наций необходимо поднять вопрос о статусе Голанских высот, чтобы избежать нового конфликта на данной территории. Израилю и Сирии следует сесть за стол переговоров и разрешить проблему с Голанами. Оба государства пытались наладить отношения в ходе Мадридской мирной конференции в 1991 году, но переговоры не имели результата.

Список литературы и источников

1. Генсек ООН: любое решение сирийского конфликта должно гарантировать единство республики. Сайт информационного телеграфного агентства России (ИТАР-ТАСС). URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6279197> (дата обращения 25.08.2019).
2. Голанские высоты – горячая точка на карте полыхающего Ближнего Востока. [Электронный ресурс] // Официальный сайт НП «Российский совет по международным делам» URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/ravunpm/golanskie-vysoty-goryachaya-tochka-na-karte-polykhayushchego-blizhnego/> (дата обращения 22.08.2019).
3. Дом с видом на войну [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 24.05.2018. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3638094> (дата обращения: 30.08.2019).
4. История и статус Голанских высот. Сайт Информационного телеграфного агентства России (ИТАР-ТАСС). URL: <https://tass.ru/info/6247758> (дата обращения: 22.08.2019)
5. Майк Помпео: наши позиции по поводу Хезболлы расходятся с Ливаном // Сайт информационного агентства Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/2597633.html> (дата обращения: 26.08.2019).
6. МИД РФ: Голанские высоты – территория Сирии [Электронный ресурс] // Российская газета. – 22.03.2019. – URL: <https://rg.ru/2019/03/22/mid-rf-golanskie-vysoty-territoriia-sirii.html> (дата обращения: 24.08.2019).
7. Нарышкин раскритиковал решение США признать Голаны частью Израиля // Сайт Российского агентства международной информации (РИА Новости).

- URL: <https://ria.ru/20190425/1553031169.html> (дата обращения: 24.08.2019) История и статус Голанских высот. Сайт Информационного телеграфного агентства России (ИТАР-ТАСС). URL: <https://tass.ru/info/6247758> (дата обращения: 22.08.2019).
8. Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/242 (1967) // [Электронный ресурс] URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/242\(1967\)](https://undocs.org/ru/S/RES/242(1967)) (дата обращения: 22.08.2019).
9. Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/350 (1974) // [Электронный ресурс] URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/350\(1974\)](https://undocs.org/ru/S/RES/350(1974)) (дата обращения: 22.08.2019).
10. Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/498 (1981) // [Электронный ресурс] URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/498\(1981\)](https://undocs.org/ru/S/RES/498(1981)) (дата обращения: 22.08.2019)
- 11.. СМИ: жители Голанских высот отвергают планы создания еврейского поселения в честь Трампа. Сайт информационного телеграфного агентства России (ИТАР-ТАСС). URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6562388> (дата обращения: 27.08.2019)
12. Электронная еврейская энциклопедия // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://eleven.co.il/land-of-israel/geography/11222/>
13. Netanyahu visits U.S. ally ahead of close Israeli election // [Электронный ресурс] Сайт международного новостного агентства Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-israel/netanyahu-visits-u-s-ally-ahead-of-close-israeli-election-idUSKCN1R50EM> (дата обращения: 23.08.2019).
14. USA erkennen Israels Souveränität über Golan-Höhen an // [Электронный ресурс] Сайт Информационного агентства Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/de/usa-erkennen-israels-souver%C3%A4nit%C3%A4t-%C3%BCber-golan-h%C3%B6hen-an/a-48057193> (дата обращения: 24.08.2019).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Шангараев Руслан Насимович,

Кандидат экономических наук, доцент Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации;

shang143@mail.ru

Shangaraev Ruslan

PhD, Associate professor of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

shang143@mail.ru

Тимакова Ольга Александровна,

Кандидат политических наук, старший преподаватель
Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Olga Timakova

PhD, Assistant Professor of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ. ФОРУМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ COMMON FUTURE. SUSTAINABLE DEVELOPMENT FORUM

Аннотация. В 2015 году ООН приняла повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года. По каждой Цели существует ряд показателей, которые должны быть достигнуты до 2030 года. Для достижения результата необходимы совместные усилия всех заинтересованных сторон: государств, гражданского общества и бизнеса.

Annotation. In 2015, the UN adopted the development agenda until 2030. In each turn, there are a number of indicators that must be achieved before 2030. To achieve results, the joint efforts of all interested parties are needed: states, national society and business.

Ключевые слова: ООН, цели устойчивого развития, Россия

Keywords: UN, sustainable development goals, Russia

25 ноября 2019 года в Москве прошел Форум устойчивого развития «Общее будущее», в рамках которого на 16-ти панельных дискуссиях оуждались вопросы здравоохранения, обеспечения доступного образования, экономической стабильности и занятости граждан, ликвидации нищеты, голода, сохранения экологии и другие глобальные проблемы. Организаторами мероприятия являются «Корпорация Синергия» и «Народная экспертиза», при поддержке Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Российского союза промышленников и предпринимателей, Организации лесочета России, Федерального агентства лесного хозяйства и Аналитического центра при Правительстве России.

В состав Оргкомитета Форума вошли представители всех заинтересованных сторон: министр экономического развития РФ Максим Орешкин, министр природных ресурсов и экологии РФ Дмитрий Кобылкин, советник Президента РФ и его специальный представитель по вопросам климата Руслан Сайд-Хусайнович Эдельгериев, Президент Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Шохин, председатель Комитета Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям Николай Николаев, президент корпорации «Синергия» Вадим Лобов, президент Фонда «Институт экономики города» Надежда Косарева и другие.

Идея проведения масштабного мероприятия возникла из ключевых моментов резолюции «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой на саммите Генассамблеи ООН в 2015 году. Резолюция стала международной задачей, включающей в себя 17 целей в области устойчивого развития. В ближайшие 15 лет 193 страны будут разрабатывать и реализовывать проекты, направленные на достижение баланса трех главных компонентов

устойчивого развития: экологического, социального и экономического. Другие ключевые направления стратегии устойчивого развития относятся к экономике, образованию и безопасности.

Подчеркивается, что России для достижения результата необходимо обеспечить эффективное взаимодействие государства, бизнеса, общественности и науки в поиске и реализации подходов к построению процветающего общего будущего. Россия в 2015 году так же, как и другие страны, приняла обязательства следовать разработанным в ООН принципам устойчивого развития и создает национальные механизмы, способствующие достижению 17 целей. Так, по каждой национальной цели развития сформирован план ее достижения. Особую роль играет эффективность инструмента мониторинга системы показателей, способной объективно оценивать прогресс в достижении целей. Показатели также имеют важное значение для подготовки Добровольного национального обзора достижения целей устойчивого развития в России, который будет представлен летом 2020 года в рамках политического форума по устойчивому развитию ООН.

Президент Российской Федерации Владимир Путин неоднократно отмечал, что Россия активно работает в направлении реализации повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года, сотрудничает с международными организациями системы ООН, совместно осуществляет проекты, направленные на обеспечение продовольственной безопасности, модернизацию промышленной и транспортной инфраструктуры, решение экономических проблем.

С его точки зрения, без построения эффективной системы управления устойчивым развитием прежде всего технологического прогресса, внедрения инноваций в сфере энерго- и ресурсосберегающих технологий и цифровизации, цифровой трансформации сейчас не обходится ни одно направление экономического и социального развития. Безусловно, также очень важно использование передовых моделей многостороннего

сотрудничества и партнёрства в интересах реализации Целей устойчивого развития.

По мнению председателя Комитета Госдумы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям Николая Николаева, «форум устойчивого развития «Общее будущее» выступает площадкой для построения диалога. На мероприятии открыт ряд тематических площадок, где спикеры делятся успешными кейсами и опытом, который можно перенять в будущем. Поэтому Форум поможет качественно ускорить достижение Россией всех 17 Целей устойчивого развития».

Главными гостями форума стали принцесса Норвегии Марта Луиза, наследник одной из самых влиятельных финансовых династий США Майкл Чарльз Рокфеллер, вице-спикер Госдумы Ольга Тимофеева, губернатор Калмыкии Бату Хасиков, замминистра природных ресурсов РФ Елена Панова, президент Федерации самых красивых деревень и городков мира Франческо Местре и другие.

В рамках форума прошли 16 пленарных заседаний по разнообразным проблемам реализации всех Целей устойчивого развития ООН. Среди них:

1. сохранение биоразнообразия и устойчивое управление экосистемами;
2. молодежь и перспективы устойчивого мира, реализация потенциала для лучшего будущего;
3. система мониторинга достижения целей устойчивого развития: роль заинтересованных сторон;
4. равные возможности для всех в обществе устойчивого развития;
5. рост экономики страны и обеспечение занятости населения как средство достижения целей устойчивого развития;
6. устойчивое развитие и социально ответственный бизнес;
7. эффективные институты развития общества - открытость и цифровизация;
8. перспективы развития низкоуглеродной экономики;

9. развитие городов и городской инфраструктуры: формирование комфортной и экологически безопасной среды для жизни;
10. водные ресурсы России: роль морских, речных и озерных экосистем;
11. стратегия бережливого производства и потребления;
12. устойчивое лесопользование: роль лесов в современной климатической повестке;
13. устойчивое развитие сельских территорий и обеспечение продовольственной безопасности;
14. система и инфраструктура образования: вектор на устойчивость;
15. доступная медицина – гарантия стабильности в обществе;
16. роль социальных проектов в достижении целей устойчивого развития.

Спикерам, экспертам, официальным лицам и гостям форума предстояло определить роль и вклад каждого из участников процесса устойчивого развития: правительств, бизнеса, представителей гражданского общества и академического мира. Как интегрированы показатели устойчивого развития в национальные стратегические документы? Как бизнесу эффективно перейти от одобрения и поддержки ЦУР к фактическому встраиванию Целей в свою бизнес-стратегию? Как бизнес может использовать новые возможности, которые открываются в результате принятия Целей ООН в области устойчивого развития?

С начала 2020 года начнется «десятилетие действий и свершений во имя устойчивого развития». Решение проблем современности требует больших ресурсов и совместных усилий. Ежегодный обмен опытом, тиражирование лучших практик и знаний могут ускорить процесс достижения Целей устойчивого развития и способствовать стабильному развитию общества.

Форум «Общее будущее» – это площадка для дискуссий и представления успешных кейсов, разработки предложений по эффективному

решению задач повестки дня и достижения Целей устойчивого развития. Завершился форум пленарным заседанием, на котором участники подвели итоги панельных дискуссий, а также обсудили роль и вклад каждого из участников процесса устойчивого развития.

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — не более 15–16 тыс. знаков с пробелами (с учетом аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в

алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно)

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех., кто входит Редакционного совета или Редакционной коллегии Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя — обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal “IR SCIENTISTS HERALD”

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — "from the heart" from the first page. The volume of the article — no more than 15-16 thousand characters with spaces (including abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys "**Ctrl**" + "**Shift**" + "**space**"). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks "...", if there are internal and external quotation marks, the external act "Christmas tree", the internal "legs".

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys "**Ctrl**" + "**Alt**" + "**-**", and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages).

Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor "Superscript a" — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic "footnotes" text editor is not used. "Footnote" is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into "Word" and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793 ([link](#))

Научное электронное периодическое издание
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2019. № 1 (7)

ISSN: 2658-6819

Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Адрес Редакции Журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.345

Адрес электронной почты:vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска Журнала:

<http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-diplomatov/>

Научный редактор выпуска Журнала: О.П. Иванов (д.п.н.).

Редакционная коллегия выпуска Журнала: Шангараев Р.Н. (к.э.н.), Тимакова О.А. (к.п.н.), Кулябина Л.Н. (к.п.н.), Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А.(к.л.н.), Ракитина М.А.

Технический редактор выпуска Журнала: А.В. Амелина

Верстка: Р.Н. Шангараев

Оформление: Р.Н. Шангараев

Подписано к печати 27.12.2019.